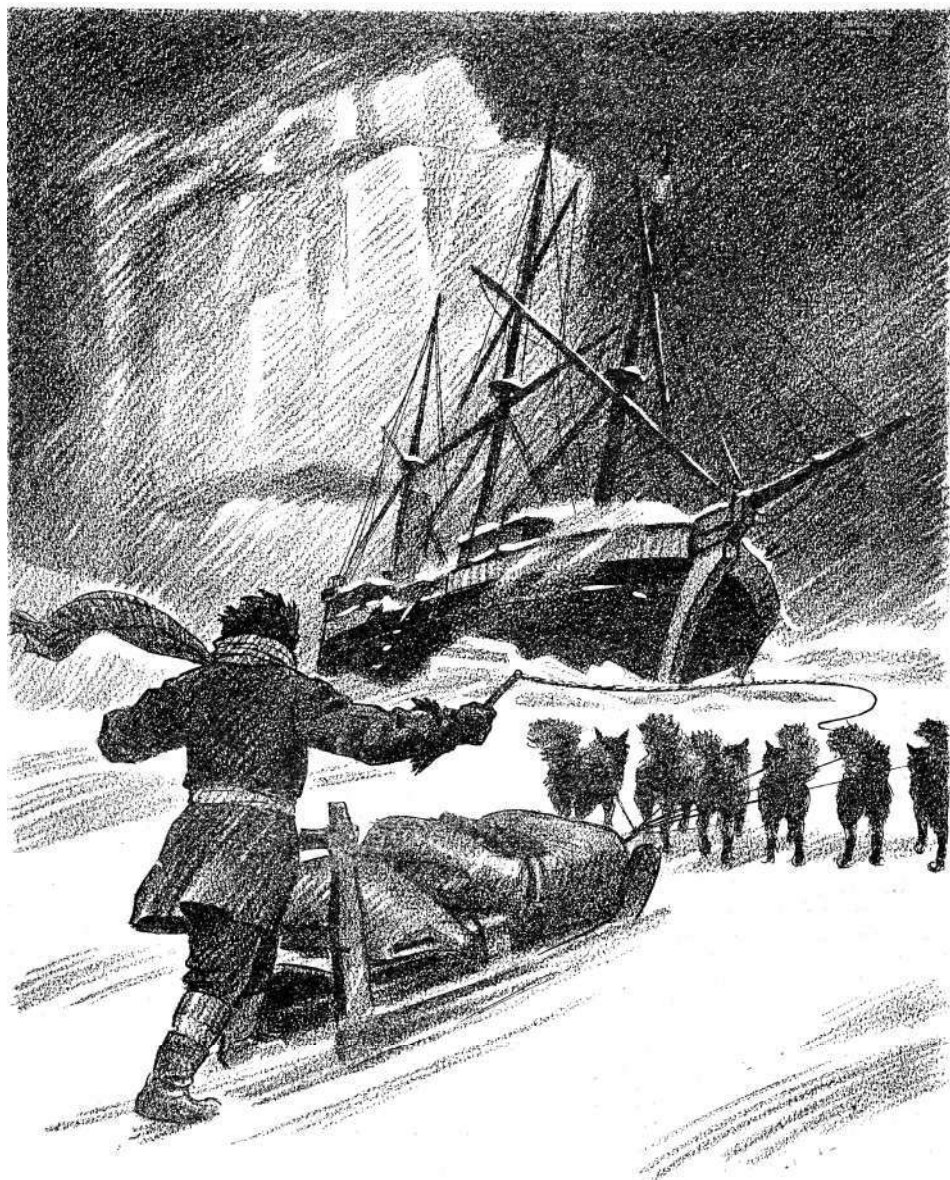

ВОКРУГ СВЕТА

1928 г.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 7

Первый рейс клипера „Медведь“. ...Нагрузив сани, запряженные маламутами, экспедиция с „Медведя“ пустилась в странствие...

24 КНИГИ (около 4.000 стр. за год)
За 6 р. в год (ВМЕСТО 9 р. 60 к.)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ
ПОДПИСКА
НА 1928 НА

УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ РОМАНОВ 24
из жизни различных эпох и народов

БИБЛИОТЕКУ ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

лучших русских и иностранных авторов, в новой литературной обработке, с объяснительными примечаниями и с предисловиями: ФЕЛИКСА КОНА, А. В. ЛУНАЧАРСКОГО, Ю. ЛАРИНА и др.

популярные романы: А. ДЮМА — „Три мушкетера“; МАРК ТВЕН — „Янки при дворе короля Артура“; Р. ХАГГАРДА — „Дочь Монте-Кристо“; В. ГЮГО — „Человек, который смеется“; З. СИНКЛЕР — „Север против Юга“; ВАЛЬТЕР Скотт — „Роб-Рой“; И. ЛАЖЕЧНИКОВ — „Ледяной дом“; А. ФРАНС — „Богам жаждают“; Ф. ЖЮБЕР — „Саламба“; ШПИЛЬГАГЕН — „Один в поле не воин“; ТЕТМАЙЕР — „Горные орлы“; П. МЕРИМЭ — „Варфоломеевская ночь“; Г. ЗЕРБЕР — „Уарда“; ДЖИОВАННОЛИ — „Спартак“; КОСТОМАРОВ — „Кудеяр“, и другие.

Все 24 книги (по 160 стр. убоистого текста в каждой) в КРАСОЧНЫХ ОБЛОЖКАХ. Ежемесячно подписчики получают по 2 книги (320 стр.). ЦЕНА КАЖДОЙ КНИГИ „Библиотеки“ в книжн. магаз., в киосках и у газетч. — 40 к.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА на год — 6 руб., 6 м. — 3 руб. 25 к., 3 м. — 1 руб. 75 к. и 1 мес. — 30 к. **ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ** (почтовыми переводами: Москва, центр, Ильинка, 15, „Зиф“).

Выписывающим непосредственно из Издательства допускается **РАССРОЧКА** годовой платы: при подписке — 3 р., к 1 мая остальные 3 руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ТАКЖЕ: в Москве — в магазинах „Зиф“: 1) Сталенинск пер., 5, 2) Никольская, 12 и 3) Лубянский пассаж, пом. 25; в провинции: в Оренбургском, 25; Ленинград, пр. 23 Октября, 13; 2) Харьков, Дворец Труда, Горюновский пер.; 3) Ростов н/Д, ул. Зингера, 108/110, 4) Киев, ул. Волоскоп, 25; 5) Днепронетровский, пр. К. Маркса, 38, и во всех отделах, центральн. газет, и киосках на ж.-д. станциях, **ПОВСЕШЕСТВО** в почтовых отделениях и писемно-почтовых, доставляя корреспонденцию, на дом.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С ЯНВАРЯ СЕГО ГОДА!

Были и в газетных почтовых отделениях: „СПАРТАК“ — Джованноли, „ДОЧЬ МОНТЕ-КРИСТО“ — Р. Хаггарда, „УАРДА“ — Г. Зербера, „САЛАМБО“ — Флобера, „КУДЕЯР“ — Костомарова и „ВАРФОЛОМЕЕВСКАЯ НОЧЬ“ — П. Меримэ.

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1928 год
на ЖУРНАЛ для СЕМЬИ и ШКОЛЫ
С МАРТА — ДО КОНЦА ГОДА ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТ:

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ПО 1-му АБОНЕМЕНТУ (за 5 р. 20 к.):

- 10 № № „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“ — ежемесячного богатого иллюстрированного журнала путешествий, краеведчества, приключений, охоты и научной фантастики. Обложка печатается в 6 красок (офсет).
- 20 № № „ВОКРУГ СВЕТА“ — двухнедельного иллюстрированного журнала путешествий и приключений на суше, на море и в воздухе.
- 10 № № „ВСЕМИРНОГО ТУРИСТА“ — первого специального журнала, посвященного пешеходному, водному и горному туризму как в СССР, так и за границей.
- 10 двойных таблиц „ГАЛЛЕЯРИЯ НАРОДОВ СССР“ — изображающих характерные типы жителей, одежду, жилище, орудия производства, утварь и пр. различных народов СССР (печатается в 6 красках на моск. стр. обл. „Следопыта“).

ПО 2-му АБОНЕМЕНТУ (за 9 руб.):

Кроме всего перечисленного в 1-м абонементе — **20 КНИГ ПОЛНОГО СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЖЕКА ЛОНДОНА 20**

Это первое общедоступное издание полного собрания сочинений популярнейшего автора нашей современности писателя фундаментальным изданием в библиотеку каждой семьи, школы и клуба, изыскатель и т. д. (Все издание — 48 книг — рассчитано на 2 г. 1928—1929).

Содержание 20 книг:

Сердца трех. — Джерри Остростанция. — Майкел, брат Джерри. — Северная Одиссея. — Сикс-Белью. — Путешествие на „Салар“. — Приключения. — Междоусобица скитальца. — Зов предков. — Белый клык. — Силас-Билли. — Принцесса. — До Адама. — Алая чума. — Сны оцелот. — Дочь снегов. — Играть. — Первобытный зверь и другие романы, повести и рассказы.

Всего в 20-ти книгах — около 2900 страниц.

„Следопыт“ и его приложения за январь и февраль ПОЛНОСТЬЮ разошлись. Подписка принимается только с последующих месяцев. Подписавшимся с марта до конца года по II абон. Изд-вом в 1929 г. будет дана возможность приобрести первые два тома (4 книги, включая биографию, ром. „Морской волк“, повесть „Дорога“ и „Расск. рыбацкого патруля“) соч. Дж. Лондона за небольшую доплату (около 1 р.).

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА С ПЕРЕСЫЛКОЙ И ДОСТАВКОЙ ВО ВСЕ МЕСТНОСТИ СССР:

1-й АБОНЕМЕНТ:

на 10 м. — 5 р. 20 к., на 6 м. — 3 р. 25 к., на 3 м. — 1 р. 75 к., на 1 м. — 60 к.

2-й АБОНЕМЕНТ:

(с приложением Дж. Лондона) на 10 мес. 9 р., на 1 мес. — 1 р.

Для подписчиков по 2-му абон. (при усл. подл. НЕПОСРЕДСТВЕННО из Изд-ва) предоставляется **РАССРОЧКА**: при подписке — 5 р., к 15 июня — 2 р., к 15 сентября — 2 р.

ПОДПИСКУ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯТЬ (ПОЧТОВЫМ ПЕРЕВОДОМ): Москва, центр, Ильинка, 15, Акц. Изд. О-ву „Зиф“.

КРУТ СВЕТА

1928 2.

ПУТЕШЕСТВИЯ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА СУШЕ, НА МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

№ 7

6р. в год за экзм. журнал „Всем. След.“ о прил. 24 №№ „Вокруг Света“, 12 № „Всем. Турист“ и 12 экзм. табл. „Народы СССР“ на обл. журн. За границу плата выше, но не более 50%. За перену адреса—20 коп.

Редакция и контора „Всемирного Следопыта“ и „Вокруг Света“: Москва, Ильинка, 15.

Подписка на журнал „Всемирный Следопыт“ (только со всеми приложениями, по 1 или 11 абон.) принимается в конторе журнала (Москва, центр, Ильинка, 15, тел. 3-82-30) по 2 р. за строку непарелли подати текста. При многократном печатании—скидка по соглашению.

СОДЕРЖАНИЕ: Человек-амфибия. Научно-фантастический роман А. Беляева (продолжение).—Алая тундра. Историко-краеведческий рассказ Н. Кузнецова.—Наша коза. Юмористический рассказ Д. Фатган.—Подарный рейс клипера „Мельвед“ (к рисунку на обложке).—„Слоновый университет“. Очерк Н. П. Кто больше знает? Игра.—Путешествия и путешественники.—По советской земле.—Всемирный калейдоскоп.

10р. в год журн. „Всем. След.“ о прил. (спер. указан. слева) 24 книг полного собрания ЛОНДОНА (первая половина). РАСПРОЩАЮТ: при подписке—6р., 15 ию-

ЧЕЛОВЕК—АМФИБИЯ

Научно-фантастический роман А. Беляева

(Продолжение)

Рисунки худ. А. Шпр

СОДЕРЖАНИЕ ПЕРВОЙ И ВТОРОЙ ЧАСТИ: У берегов Южной Америки, недалеко от г. Буэнос-Айреса, появилось неведомое существо, нанеся страх на рыбаков и искателей жемчуга. Никто не видел этого существа, но слухи о его находились повсюду: кто-то резал рыбацкие сети, сбрасывая ночью рыбу с лодок и т. п. На прибрежном песке находили следы ступней с отпечатками когтей. Старые индейцы уверили, что это „морской дьявол“.

Однажды ночью на шхуне „Медуза“, принадлежавшей ловцу жемчуга испанцу Педро Зурита, вахтенный индеец Балтазар услышал необычайный звук трубы. Вследствие боязни матросов ловля жемчуга перенесена в другое место. Там ныряльщик индеец был наступит акулой. Но в тот же момент появилось чудовище с огромными выпуклыми глазами, лгяущими лапами и серебристой чешуей: оно испарывает акуле брехо.

У Зурита возникает мысль, что „дьявол“, видимо, может жить над водой и под водой. Если бы удалось поймать „дьявола“ и приспособить к ловле жемчуга, то можно нажить миллионы!

Зурита достает водолазные костюмы и опускается с Балтазаром на дно океана. Они находят пещеру, закрывающуюся в глубине железной решеткой. Над залом находится усадьба профессора Сальватора. Зурита узнает, что Сальватор—хирург, прославившийся своими операциями, но теперь живущий за творником. Зурита подсылает к Сальватору шпиона, брата Балтазара—старого индейца Кристо. Кристо достает большого ребенка и, под видом своей внуки, приносит Сальватору, который излечивает девочку. „Дядюшарный“ Кристо упрямивает Сальватора взять его в услужение. Сальватор соглашается. Кристо попадает в необычайный сад, населенный странными, невиданными животными, гадами и птицами.

Когда один из молчаливых слуг заболевает, Кристо переводят во

второй сад. Зася он видит говорящих, беззловых и бесхвостых обезьян и детей индейцев, наделенных хвостами и карманами в коже.

Инейшу, наконец, удается проникнуть в третий сад, где Сальватор выпускает воду из бассейна, открывает люк и спускается к Кристо в огромную пещеру со стеной из стекла, за которой плавают рыбы. Сальватор кого-то зовет, и среди освещенной воды появляется чудовище с огромными глазами и лгяущими лапами... Оно вливает в стеклянную камеру, вода из которой выкачивается, и „дьявол“ входит в пещеру.

Тайна открыта: Кристо удалось познакомиться с Ихтиандром (так зовут „дьявола“). Ихтиандр может жить под водой и на земле, но на воздухе ему трудно пробыть более трех-четырёх суток. Кристо, рисуя чуда и прелести города, пытается уговорить юношу отправиться с ним в Буэнос-

Айрес, где Зурита легко мог бы его захватить. Ихтиандр однажды видел на берегу девушку, красота которой поразила его. Он хочет видеть ее еще раз...

В Буэнос-Айресе происходили беспорядки: войска и полиция подавляли всеобщую забастовку. Ихтиандр и Кристо попадают в уличную свалку. Кристо спешит укрыться с Ихтиандром в лазке Балтазара (торгующего жемчугом).

Испанец Зурита давно влюблен в приемную дочь Балтазара, но девушка не соглашается на брак. По словам Балтазара, рассерженный не ушедшей Зурита кука-то уехал. А Ихтиандр зазев?—спрашивает Балтазар.—„Сидит“,— отвечает Кристо. Балтазар заглядывает в дверь, но вместо юноши видит свою дочь Гуттиэрэ, которая сообщает, что какой-то юноша, когда она вошла в лавку, сорвался с места и убежал. Гуттиэрэ оказалась той девушкой, которую Ихтиандр видел на берегу...

Для Ихтиандра началась двойная жизнь. Город возмущал в нем ненависть своей духовной и жестокостью людской борьбы, но юноша тосковал и о море и о девушке с голубыми глазами. Что бы успокоить себя, он то мчался по волнам на дельфине, то бродил по берегу, в глубины океана. Однажды Ихтиандр встретил Гуттиэрэ на берегу. Она стояла с камнем-то безобразным великим камнем, и проткнув нитку с жемчужным ожерельем, сказала: „Возьми, Олсен“. Но ожерелье высокоблудную из ее рук и упало в море. Ихтиандр был одет в костюм и стоял за камнями. Видя огорчение девушки, он вынул из-за камней, предложил найти жемчуг, не раздеваясь бросился в море и достал ожерелье. В следующий раз он принес ей огромную красивую жемчужину. Огорченный отказом принять подарок, юноша бросил жемчужину в море. Это удивило и заинтересовало Гуттиэрэ. Кто это юноша, который бросает в воду драгоценности?..

V. Накануне событий.

Для Ихтиандра началась новая жизнь. Каждый вечер приплывал он к берегу, недалеко от города, брал припрятанный среди камней костюм, одевался и являлся на скалу, куда приходила и Гуттиэрэ. Они совершали большие прогулки вдоль берега, оживленно беседуя. Гуттиэрэ была очень заинтересована своим новым другом.

Он был неглуп, не лишен остроумия, знал многое, о чем не знала

Сидя на песчаном дне, Ихтиандр кормил рыбок хлебом...

Гуттиэрэ, и в то же время проявлял полное незнание простейших вещей, известных любому городскому мальчику. Чем объяснить это? Ихтиандр неохотно говорил о себе. Что-то мешало ему рассказать правду. Все, что удалось узнать девушке, это то, что Ихтиандр—сын доктора, повидимому очень состоятельного человека, который воспитал сына вдали от города и людей и дал ему очень своеобразное и ограниченное образование. И Гуттиэрэ

приходилось пополнять знания юноши. Он забрасывал ее вопросами: почему одни люди одеваются хорошо, а другие плохо, одни живут в роскошных домах, похожих на дворцы, а другие в лачугах. Что такое деньги, откуда их получают...

Гуттиэрэ объяснял ему все это, открывая новый мир, — мир человеческой борьбы. Он знал уже, чем вызывалась эта смертельная борьба плохо одетых людей с богатыми, и в его детски-простой несложной натуре загоралась ненависть к угнетателям.

Иногда они засиживались на берегу довольно поздно. У ног шумел прибой. Мерцали звезды. Разговор умолкал. Ихтиандр брал руку Гуттиэрэ и был счастлив.

— Пора идти, — говорила девушка.

Ихтиандр неохотно поднимался, провожал ее до предместия, потом быстро возвращался, сбрасывал одежду и уплывал к себе. Утром, после завтрака, он брал с собой большой белый хлеб и отправлялся в залив. Усевшись на песчаном дне, он начинал кормить рыбок хлебом. Они приплывали к нему резвой толпой, окружали роем, скользили между рук и жадно хватали ротиками размокший хлеб, прямо с ладоней юноши. Иногда крупные рыбы, привлеченные скоплением мелкой, врывались в этот рой и гонялись за маленькими. Ихтиандр поднимался, отгонял хищников руками, в то время как маленькие рыбки скрывались за его спиной, как за надежной защитой.

К Ихтиандру вернулось душевное спокойствие. Его светлая радость омрачалась только мыслью о том, что Гуттиэрэ живет в городе, среди злых и жестоких людей. Если бы и она могла жить под водой, вдали от шума и людей... Какое это было бы счастье!.. Он открыл бы ей новый, неведомый мир, — собирал ей прекрасные цветы подводных полей, засыпал ее жемчугом...

Но для нее это невозможно. А он не может жить на земле. Он и так проводит на воздухе больше, чем позволяет его организм. И для Ихтиандра это не проходит даром: все чаще и сильнее начинали болеть его бока в то время, как он сидел с девушкой на берегу моря. Иногда эта боль становится нестерпимой, но он молча переносит страдания. Он предпочел бы скорее задохнуться, чем оставить ее прежде, чем уйдет она сама. И еще одно беспокоит Ихтиандра: бессознательная ревность, которую возбуждал в нем белокурый великан. Ихтиандр каждый раз, спе-

ша на свидание, решает, что сегодня он непременно спросит Гуттиэрэ о своем сопернике, и каждый раз эта решимость тает, когда он заглядывает в ее ласковые, синие глаза, и он удерживает готовый сорваться с уст вопрос, боясь оскорбить ее незаслуженным подозрением...

Как-то вечером девушка сказала Ихтиандру, что завтра она не придет.

— Почему? — спросил он, нахмурившись.

— Я занята.

— Чем?

— Нельзя быть таким любопытным, — ответила девушка и, ослепив его своей улыбкой, добавила.

— Не провожайте меня! — ушла.

Все подозрения вновь вспыхнули в душе у Ихтиандра. Он потонул в море и, мрачный, пролежал всю ночь на мшистых камнях, а на рассвете попыл к себе. Поднявшись на поверхность невдалеке от залива, он увидел ужасную картину. Какие-то люди Стреляли с лодок в дельфинов. Большой дельфин, раненый выстрелом, высоко подпрыгнул над водой, помотал головой и тяжело опустился.

— Лидинг! — с ужасом прошептал Ихтиандр.

Один из ловцов уже прыгнул с лодки в море и выкидал, когда раненое животное всплывает на поверхность. Но дельфин вынырнул почти в ста метрах от лодки и, тяжело отдышавшись, опустился вновь под воду. Ловец быстро поплыл к дельфину. Ихтиандр поспешил на помощь к другу. Вот дельфин еще раз вынырнул, и в этот самый момент ловец ухватил дельфина за плавник и потащил обессиленное животное к лодке. Ихтиандр, плывя под водой, нагнал их и запустил свои крепкие зубы в икру ловца, Ловец подумал, что его ухватила акула и отчаянно задергал ногами. В то же время он опустил в воду руку, вооруженную ножом, и наудачу полоснул врага. Нож поранил Ихтиандру шею, не прикрытую чешуей. Ихтиандр выпустил ногу ловца, который быстро попыл к лодке. Раненые дельфин и Ихтиандр направились к заливу. Юноша приказал дельфину следовать за собой и нырнул в подводную пещеру, залитую только до половины водой. Через расщелины дождя проникал воздух. Здесь дельфин мог отдышаться в безопасности. Ихтиандр осмотрел его рану. Она была неопасна. Пуля попала под кожу и застряла в жире. Ихтиандру удалось извлечь пулю пальцами. Дельфин терпеливо перенес эту операцию.

— Заживет, — сказал Ихтиандр, ласково хлопнув по спине животного.

Теперь надо было подумать и о себе. Ихтиандр быстро проплыл по подводным туннелям, поднялся на поверхность и вошел в белый домик.

Кристо ахнул, увидев своего питомца окровавленным.

— Что с тобой?

— Меня ранили охотники, когда я защищал дельфина, — сказал Ихтиандр.

Но Кристо не поверил ему. «Как был его из-за девчонки совсем не убили в городе. Пора этим свиданиям положить конец».

— Опять в городе был без меня? — спросил он подозрительно, перевязывая рану.

Ихтиандр молчал.

— Открой свою чешую пониже, — сказал Кристо и приподнял у плеча чешуйчатую оболочку Ихтиандра.

На плече индеец заметил большое красноватое пятно. Вид этого пятна почему-то взволновал Кристо.

— Ударил веслом? — спросил он, ощупывая плечо.

Опухли не было. Очевидно, это было родимое пятно.

— Нет, — ответил Ихтиандр.

Юноша пошел отдохнуть в свою комнату, а старый индеец, поставив лодки на колени, подпер голову руками и о чем-то глубоко задумался. Он долго сидел в этой позе, потом вдруг тихо сказал:

— Родимое пятно... неужели это может быть? — поднялся и вышел из комнаты.

Он быстро направился к городу, запыхавшись, вошел в лавку Балтазара и, подозрительно посмотрев на Гуттиэрэ, задумчиво сидевшую у прилавка, спросил:

— Отец дома?

— Там, — кратко ответила девушка, кивнув головой на дверь в другую комнату.

Кристо вошел в лабораторию и закрыл за собой дверь.

Он нашел брата за своими склянками, перемывающим жемчуг и таким же раздраженным, как и в первый раз.

— С ума сойдешь, — ворчал Балтазар. — Зурита рычит, почему до сих пор ты не приводишь «морского дьявола», Гуттиэрэ целый день куда-то шляется, — долго ли девушке в большом городе сбиться с пути? О Зурита она слышать не хочет Твердит, как ученый попугай: «нет, нет!» Зурита говорит: «Возьму, да увезу ее силой. Поцарапается как кошка, и обойдется». И от него это станет. Они считают, что с индей-

ской девушкой все можно, и в ответе не будешь.

Кристо выслушал жалобы брата и потом сказал, называя его индейским именем.

— Слушай, Каранчо¹⁾. Я не мог привести «морского дьявола» потому, что он, как и твоя Гуттиэрэ, часто уходит из дома. Вернется Сальватор, — ох, будет мне плохо, если только до этого времени мы не украдем Ихтиандра. Но только с этим надо подождать...

— Пока придет Сальватор?

— Пока он не приехал. Дело может принять совсем другой оборот, Каранчо... — Кристо вздохнул, как бы не решаясь высказать свой план.

— Видишь ли... — начал он.

Но в этот самый момент в лавку кто-то вошел, и они услышали громкий голос Зурита.

— Опять он! опять, слышишь? — зашипел Бальтазар, бросая жемчуг в ванну.

А Зурита уже с треском раскрыл дверь и вошел в лабораторию. Усы его были закручены вверх, но

— Значит, надо спешить. Ждите гостей. Я подобрал надежную компанию. Головорезы — первый сорт. Ты нам откроешь двери, Кристо, а в остальном я сам справлюсь. Когда все будет готово, я скажу Бальтазару. И чтоб у меня... понимаешь? Ну — то-то! — И обернувшись к Бальтазару, он сказал: — А с тобой я еще завтра переговорю. Но только помни, что это будет наш последний разговор.

Оба брата молча поклонились. Когда Зурита повернулся к ним спиной, любезные улыбки сошли с лиц индейцев. Бальтазар тихо выбранился, Кристо, шевеля губами и нахмурившись, что-то обдумывал.

Ловец подумал, что его ухватила за ногу акула, и, залергав ногами, он наудачу полоснул пожом подводного врага...

Слышно было, как Зурита в лавке о чем-то тихо говорил с Гуттиэрэ.

— Нет! — твердо ответила она.

Бальтазар сокрушенно качнул головой.

— Кристо! — крикнул из лавки Зурита, — иди за мной, ты мне сегодня будешь нужен.

VI. Брак по расчету.

Ихтиандр чувствовал себя очень плохо. Его лихорадило. Рана на шее болела. Стоял палящий зной. Раскаленный воздух обжигал легкие Ихтиандра. От мелкой белой пыли перехватывало дыхание. Ему хотелось остаться на берегу моря. Но Гуттиэрэ сказала, что сегодня она не может быть с ним долго.

— Отец идет в город по делам, и я должна сидеть в лавке.

— Тогда я провожу вас, — сказал юноша, и они пошли по накаленной

пыльной дороге по направлению к городу.

Навстречу им, низко опустив голову, шел Ольсен. Он был так озабочен, что не заметил Гуттиэрэ и прошел мимо. Но девушка окликнула Ольсена.

— Мне нужно сказать только два слова, — сказала Гуттиэрэ, обращаясь к Ихтиандру, и, повернув назад, нагнала Ольсена и начала о чем-то тихо и быстро говорить с ним, как будто упрасившая его.

Ихтиандр шел в нескольких шагах позади них.

— Хорошо, сегодня после полудни, — услышал он голос Ольсена. Великан пожал руку девушки, кивнул головой и быстро продолжал путь. Когда Гуттиэрэ подошла к Ихтиандру, у него горели щеки и уши. Ему хотелось, наконец, поговорить с Гуттиэрэ об Ольсене, но он не находил слов.

— Я не могу, — начал он, задыхаясь, — я должен узнать... Ольсен... вы скрываете от меня какую-то тайну. Он назначил вам свидание ночью. Вы любите его?

Гуттиэрэ взяла Ихтиандра за руку, ласково заглянула в глаза и, улыбаясь, спросила:

— Вы верите мне?

— Я верю... вы знаете, я люблю вас, — теперь Ихтиандр знал это слово, — но я... я так невыносимо страдаю...

Это была правда. Ихтиандр страдал от ревности, но в эту минуту страдал и физически. Он чувствовал в боках режущую боль, — как будто в его тело вонзили десяток ножей, — он все более задыхался. Румянец сошел с его щек, и теперь лицо его было бледно.

— Вы совсем больны, — с беспокойством сказала девушка. — Успокойтесь, прошу вас... Милый мой мальчик! — и она быстро прикоснулась своей щекой к его щеке. — Я не могла сказать вам всего потому, что это тайна, которая касается других. Но, чтобы успокоить вас, я скажу. Вам можно доверить. Слушайте.

Какой-то всадник промчался мимо них, но взглянув на Гуттиэрэ, круто остановил лошадь, повернул назад и подбежал к молодым людям. Ихтиандр увидел молодого человека, с пушистыми, закрученными вверх усами и небольшой эспаньолкой²⁾. Всадник похлопал хлыстом по сапогу, подозрительно и враждебно осмотрел Ихтиандра и подал

взгляд — тяжелый и тусклый, как будто он не спал всю ночь.

— Оба братчика здесь. Вы долго меня за нос водить будете? — спросил он, переводя свои глаза с Бальтазара на Кристо.

Кристо поднялся и, любезно улыбаясь, сказал:

— Стараюсь, дон Педро. Что делать? Этот «морской дьявол» — не простая рыбка. Никак его из своего омута не вытащишь. Раз было привел, — вас не было; посмотрел «дьявол» город, не понравилось ему, и теперь больше не хочет итти.

— Не хочет, не надо. Мне надоело ждать. На этой неделе я дух зверей сразу убью. Сальватор еще не приехал?

— Ждем.

1) Каранчо — хищная птица.

2) Бородка, остриженная на особый манер, излобленный в Испании. (См. рисунок).

руку Гуттиэрэ. Поймав руку девушки, он неожиданно приподнял девушку к седлу, громко поцеловал руку и рассмеялся.

— Попалясь! — и опустив руку нахмурившейся Гуттиэрэ, он продолжал насмешливо и в то же время раздраженно.

— Карамба! Где же это видано, чтобы невесты накануне свадьбы, разгуливали с молодыми людьми?

Глаза Гуттиэрэ гневно вспыхнули, но он не дал ей говорить.

— Отец давно ждет вас. Я буду в лавке через час.

Но Иктиандр уже не слышал последних слов. Он вдруг почувствовал, что в глазах его потемнело, какой-то ком подкатил к горлу, дыхание остановилось... Он не мог больше дышать на воздухе. С последним усилием воли, Иктиандр сорвался с места, побежал к берегу и бросился в море с крутой скалы.

Гуттиэрэ вскрикнула, в отчаянии схватилась за грудь и пошатнулась. Потом она обратилась к Педро Зурита—это был он:

— Скорее... спасите его!

Но Зурита не шевельнулся.

— Я не имею обыкновения мешать другим,—сказал он насмешливо.

Гуттиэрэ побежала к берегу с явным намерением броситься в воду. Но Зурита прищипил лошадь, нагнал девушку, схватил за плечи, втащил на коня и поскакал на дорогу.

— Я не имею обыкновения мешать другим, если другие не мешают мне. Вот так-то лучше. Да видите же в себя, Гуттиэрэ!

Но потрясенная Гуттиэрэ склонила голову и лежала без чувств. Только у лавки отца она пришла в себя.

— Кто был этот молодой человек?—спросил Педро.

Гуттиэрэ посмотрела на Зурита с нескрываемым гневом и ненавистью и сказала:

— Отпустите меня!

Зурита усмехнулся. «Детское увлечение,— подумал он. — Герой ее романа кончил жизнь самоубийством от безнадежной любви. Тем лучше: он не опасен». — И обратившись к лавке, Зурита крикнул:

— Отец! Бальтазар! Эй-эй!

Бальтазар выбежал.

— Получай твою драгоценную жемчужину. И благодарю меня. Я спас твою дочь, она едва не бросилась в море вслед за молодым человеком приятной наружности. Как-нельзя? Я приеду через час. Помни наш разговор!

Бальтазар, униженно кланяясь, принял от Педро дочь.

Всадник кивнул головой, прищипил коня и уехал.

Отец и дочь вошли в лавку.

Гуттиэрэ, без сил, опустилась на стул и закрыла лицо руками.

Бальтазар прикрыв выходную дверь и, расхаживая по лавке, начал взволнованно и горячо говорить. Но он напрасно тратил свое красноречие. С таким же успехом Бальтазар мог бы проповедывать засушенным крабам и морским ершам, лежавшим на полках.

Гуттиэрэ была погружена в свои мысли.

«Он бросился в воду!—думала девушка, вспоминая лицо Иктиандра, искаженное страданием. — Несчастный! Ревность погубила его... Сначала Ольсен, потом эта нелепая встреча с Зурита... Но ведь я не могла сказать Иктиандру про Ольсена... А Зурита? Как смел он назвать меня невестой?.. Теперь все погибло... Бедный, бедный мальчик...»

И Гуттиэрэ залилась слезами. Она любила Иктиандра,—застенчивого, детского простого, так же похожего

на самодовольных, гордых и заносчивых сыновей городской знати.

Любила впервые, — со всею свежестью и горячностью чувства. «Что же делать дальше? — думала она. — Последовать примеру Иктиандра? Броситься в море? Покончить с собой?»

А Бальтазар все продолжал говорить:

— Ты понимаешь, Гуттиэрэ. Ведь это будет полное разорение. Все, что ты видишь в этой лавке, принадлежит Педро Зурита. Моего товара тут не наберется и десятой доли. Весь этот жемчуг мы получаем на комиссии от дон Педро. И он сказал мне, что если ты откажешь ему сегодня, — в последний раз, — он отберет весь товар и со мной больше не будет иметь дела. Ведь это разорение! Полное разорение!

Понемногу слова отца начали проникать в сознание Гуттиэрэ. И старый индеец очень обрадовался, когда дочь вышла, наконец, из своей задумчивости и задала ему практический вопрос:

— А на какую сумму здесь будет товару?

— Тысяч на десять, а может, и на пятнадцать золотых пезо.

Гуттиэрэ опять задумалась. Она вспомнила об Ольсене. В ее голове созрел новый план. «Ж если жертвовать собой, то надо дорого продать себя» — подумала она, и вдруг, поднявшись, сказала:

— Я согласна.

— Ну, вот и отлично! — воскликнул обрадованный и удивленный Бальтазар, счастливо улыбаясь. — Я же знал, что ты у меня умница, хотя и своенравная, как...

— Но я ставлю одно условие.

— Какое? — насторожился Бальтазар.

— Об этом я скажу жениху.

Когда Зурита явился, Гуттиэрэ сказала ему, гордо подняв голову:

— Дон Педро Зурита! Я согласна быть вашей женой. Но ответьте мне, сможете ли вы содержать достойным образом красавицу-жену? Не делайте таких удивленных глаз. Если все знают, что я красива, почему бы мне самой не знать об этом и не ценить красоту? Я люблю драгоценности. Я люблю жемчуги и изумруды...

— Я озолочу вас, осыплю жемчугом и изумрудами,—сказал Зурита.

— Посмотрим. Но это не все. Я требую от вас приданого.

Эти слова заставили изумиться не только Зурита, но и Бальтазара. Он

Зурита нагнал девушку, втащил ее на коня и поскакал по дороге.

впервые сделал неожиданное и приятное для него открытие, что его doch такая практичная.

— Все, что имеется в этой лавке, — продолжала она, обращаясь к Зурите, — вы дарите мне сейчас же, до брака. Половину я отдаю отцу, а половину беру себе.

Зурита не мог подавить невольного восхищения. Подарить до брака! Это было гораздо хуже, чем обещать золотые горы после женитьбы.

— Кроме того, — продолжала девушка, — вы наполните лавку новым товаром на прежних, комиссионных условиях и будете продолжать дело с отцом. Но вы, кажется, недоволь-

ны? Вы колеблетесь? Как же я могу поверить вам, если уже сейчас...

— Я не колеблюсь, — ответил Зурита, едва сдерживая раздражение. — Вы не поняли меня, во мне говорит не скупость, а удивление. Признаться, я не ожидал встретить такую... э-э... практичность в столь молодой и прекрасной особе...

— Время не ушло, можете отказаться от сделки, — ответила девушка, делая ударение на слове «сделка».

— Я согласен.

— Отлично. Сегодня вечером я очищу лавку от товара. Завтра утром вы наполните ее новым, и я — ваша.

Зурита вышел от невесты в полном смятении. Желание иметь Гуттиэрэ своей женой и жадность к деньгам вели в нем жестокую борьбу. Он призывал в свидетели пресвятую мадонну и тысячу черт, что никогда не встречал подобной женщины. В конце концов, он успокоился на том, что отпрыск на «морском дьяволе».

А Гуттиэрэ высыпала из ящиков в холщевые мешочки жемчуг, половину сложила в корзину и ночью, когда отец уснул, тихо вышла из лавки и отнесла свою половину «приданого» Ольсену.

(Продолжение в след. №)

АЛАЯ ТУНДРА

Революционно — краеведческий рассказ Н. Кузнецова

Испокон веков обитали лопари в тундре, занимаясь оленеводством, звериным промыслом и рыбной ловлей в глубоких прозрачных озерах. Это было мирное племя, вся воля которого была направлена на поддержание скудной жизни и на борьбу с суровой природой. Единственным помощником лопарю в этой борьбе были олени.

Подобно верблюду, кораблю знойных пустынь, олень был кораблем суровых тундр, и без него здесь была бы невозможна человеческая жизнь. Он — единственное и притом идеальное, в своеобразных условиях тундры, средство передвижения; он кормит, поит и одевает обитателя тундры, отепляет его жилище. Отсюда и привязанность лопаря к оленю.

В 1914 году грянула мировая война. Казалось бы, что тундру, далекую и оторванную от всего мира, минуют все ее ужасы, но на ее долю выпало тяжчайшее испытание.

Началось с 1916 года, когда была объявлена мобилизация оленеводов для перевозки военных грузов. Всего было мобилизовано шесть тысяч оленей, полторы тысячи саней. К первому апреля половина оленей погибла от переутомления и недостатка корма, и этот день лопари отметили трауром в своей памяти.

Затем настал 1919 год — империалистическая интервенция. Наступили тяжелые и кровавые дни; пришельцы хозяйничали в тундре, как в побежденной стране. Тысячами гибли олени под ножом мясников, чтобы накормить незваных гостей и их союзников — белогвардейцев, и тундра потеряла половину довоенного состава в своих оленьих стадах. Плач и стон стояли над тундрой. Обитате-

лям ее грозила неминуемая голодная смерть.

Доведенные до отчаяния лопари угнали остатки стад вглубь страны, на верховья реки Поноя, куда европейцу и думать нечего было проникнуть, а часть их взялась за оружие.

Однако сами лопари, мирные от природы, были неспособны организовать не только нападение, но и простую оборону. Отличные стрелки, как все охотники, и неплохие воины, они очень незлобивы и, одержав победу, не преследуют противника с целью уничтожения. Им требовался вождь — решительный и властный.

Такой вождь нашелся в лице полулегендарного Эван-Каина (Ваньки-Каина, как называли его белогвардейцы), и, таким образом, родилась лапландская партизанщина, испортившая немало крови захватчикам.

Суровый климат, особенности рельефа местности и полнейшее бездорожье приковали врагов к узкой железнодорожной полосе. В беспросветные полярные ночи, под вой жестокой морянки, дующей с океана с силой шторма, налетали партизаны на станции и, посеяв панический страх в белогвардейском стане, так же внезапно исчезали в белом хаосе тундры.

Всякая попытка преследовать их или проникнуть вглубь тундры с карательными целями жестоко наказывалась самой природой, и белые снега Ловозерских и Хибинских тундр стали последним погребальным саваном для многих белогвардейцев. Для партизан же тундра была родной стихией.

После полугодовой бесплодной борьбы с таким противником и с природой, которая являлась могучим и страшным союзником партизан, англичане пришли в безнадёжное от-

чаяние, и британские войска были отозваны.

Лишенный поддержки, белый фронт стал быстро разваливаться, и, спустя еще полгода, белые принуждены были покинуть Архангельск. Они думали, сократив протяжение фронта, удержаться в Лапландии. Но Мурманское восстание и захват самого Мурманска решили судьбу немногочисленной лапландской группы белых войск, и она должна была спастись в Финляндию, потеряв три четверти своего состава.

Гражданская война на севере была закончена...

Настоящий рассказ является одним из эпизодов лапландской партизанщины, которая в свое время, отнесенная на задний план другими, более близкими и грозными событиями, прошла незамеченной.

Карта Карельской АССР и Советской Лапландии.

— Вот, ваше высокоблагородие, лопарь, который может доставить письмо господину поручику, — проговорил заискивающее Опенкин.

Толстый полковник вскинул на Мыклу ¹⁾ узенькие щелки свиных глаз и гнусаво проговорил:

— Ну-ф, ну-ф, подойди поближе, голубчик!

Мыкла нехотя подошел к столу и сбросил с плеча меховую рову ²⁾.

— Можешь отвфти пифьмо в Тульлухт ³⁾ к поручику Петров-фкому? — вскинул очки на потный и мясистый лоб, прогнусавил полковник.

— Отчего же, можно, — словно нехотя ответил Мыкла.

— Только фмотри, фукин фын, — забурчал снова полковник. — Ефти что, мы тебя подведем на первой ффоне.

Мыкла ничего не ответил и, переступая с ноги на ногу, принялся равнодушно осматривать комнату.

У окна, уставившись немигающими глазами в небо, на котором играло северное сияние, стояла долговязая фигура во френче и широких брюках защитного цвета, которые были заправлены в желтые краги ⁴⁾.

Фиолетовые и оранжевые полосы, словно змеи, извивались и дрожали в небе и вдруг вспыхивали огромным багровым полотнищем, по которому взлетали огненные шары. Взлетев, они лопались, рассыпаясь миллиардами цветных осколков, и не успевали они погаснуть, как взлетали и рассыпались новые, отчего небо беспрестанно полыхало разноцветным заревом.

— Фэр Хавелок, — проговорил полковник, повернувшись к фигуре всем корпусом, при чем стул жалобно заскрипел под ним, — вот эта каналья говорит, что может дофтить пифьмо в Тульлухт.

— Уес ⁵⁾, — отозвалась фигура, не отрываясь от окна.

— Тогда нало напифать пифьмо фэру Мак-Доуэлю, чтобы он захватил оленей на Вудявре ⁶⁾, — снова загнусавил полковник.

Англичанин обернулся, пожал плечами и подошел к столу. Взяв перо, он обмакнул его в чернильницу и

стал быстро водить по бумаге. Толстый полковник облегченно вздохнул, бережно принял исписанный листок бумаги, вложил его в конверт и подал Мыкле...

Выйдя от полковника, Мыкла облегченно вздохнул.

— Толстый пайк ⁷⁾, — изредка слышалось его ворчанье.

Он направился по станционному поселку к чайной, где оставил своих оленей...

Перед чайной стояло десятка полтора саней; около них, под охраной собак, позвякивая колокольчиками, стояли и лежали олени, melanчлично пережевывая ягель ⁸⁾. Двери чайной то-и-дело хлопали и выпускали окутанных паром лопарей, выходивших наружу посмотреть за оленями.

Мыкла подошел к своим саням. Лезавший передовой олень поднялся на ноги и ткнулся влажным носом в его руку.

— Ну, ну, Пинк! ⁹⁾ Чего ты? — ласково проговорил он и потрепал животное по мягкой морде.

Олень посмотрел на него голубыми, как весеннее небо, глазами и лизнул руку хозяина шершавым языком. Тронутый такой лаской, Мыкла наклонился и поцеловал его в лоб, потом, сняв с саней рову с ягелем, развязал ее и положил на снег. Все четыре оленя потянулись мордами к мешку и принялись аппетитно жевать мох. Послушав с минуту их чавканье, Мыкла повернулся и вошел в чайную.

Низенькая, закоптелая комната чайной была битком набита лопарями, оравшими во всю глотку.

— Садись к нам, Мыкла! — кричали разом за несколькими столами. — Почему продал оленей?

— Я ничего не продавал, — неохотно отозвался Мыкла.

¹⁾ Пайк — свинья.

²⁾ Ягель — белый мох, олений корм.

³⁾ Пинк — ветер.

— А мы продали. Только Рошавский совсем обрабил нас, — заговорил старый Прокоп Чупров, — за моих хирвасов ¹⁰⁾ рассчитал по пятьсот рублей, когда самый паршивый пуаз ¹¹⁾ стоит теперь две тысячи.

— А ты бы не продавал, — усмехнулся Мыкла.

— Как же тут не продашь, — сокрушенно мотнул головой Прокоп. — Пришли солдаты с ружьями, забрали оленей и дали квитацию. Вон у Васки Ротчева взяли двести голов на Вудявре, и то молчит.

Молодой лопарь подошел к Мыкле и отвел его в сторону.

— Слыхы ты, что на Паромчорре собрались двадцать шесть человек Эван-Каина? — шопотом проговорил он. — Белье собрали на Тульлухте, триста голов. За племенного хирваса платят пятьсот рублей. Совсем обрабили бедных оленей.

— Мы не отдадим им оленей, Левк, — проговорил Мыкла решительно.

Хлопнула дверь, и в чайную вошел Опенкин. Он был одет по-дорожному — в пимах и малице, на голове вместо лопарского капера ¹²⁾ была надета шегельская финка, за спиной на ремне болтался английский карабин. Оглядевшись, он подошел к Мыкле и спросил:

— Ты отвезешь меня на Вудявр?

— Мне на Вудявр не по пути, я поеду Индичником, а потом Майвальтой ¹³⁾, — хмуро ответил Мыкла.

— Пустое, брат, дашь немного крюку, — успокоил его Опенкин. — Ничего не поделаешь. Раз Рошавский приказал, стало быть, надо ехать.

¹⁰⁾ Хирвас — племенной олень.

¹¹⁾ Пуаз — олень.

¹²⁾ Пима — валеная обувь. Капер — меховая шапка, пришиваемая к воротнику шубы-малицы.

¹³⁾ Реки. Индичник впадает в оз. Имандр, Майвальта в Умпявр. Йок — вообще река.

Условные обозначения:
1. Место гибели отряда Бурчака
2. Место гибели отряда Петровского.
3. Река на и.о. Тульлухт.
4. Место прохождения оленьих стад перед Эваном.
5. О. Вудюле — стаи оленей братьев Сорвановых.
Пунктир — путь оленьих стад братьев Ротчевых, Сорвановых и Гайкина к Сейтяру.
Пунктир с точками — путь Мыклы на Тульлухт.

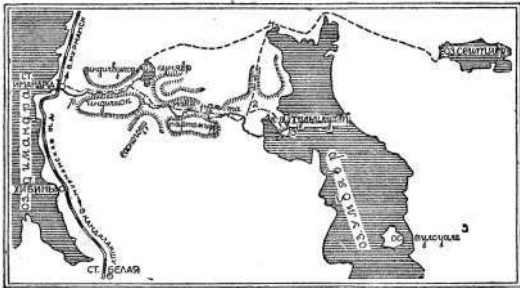

Схема места действия в рассказе.

¹⁾ По-лопарски — Николай.

²⁾ Рова — мешок.

³⁾ Низкий песчаный мыс на озере Умпявр в 90 — 100 километрах к востоку от станции Имандра.

⁴⁾ Краги — кожаные голенища, надеваемые к ботинкам.

⁵⁾ Да!

⁶⁾ Небольшое озеро в 20 — 22 км от ст. Имандра.

* * *

Олени Мыкла неслись стрелою. Быстро миновали поселок, скатились под гору к реке, и в глазах у Опенкина зарыбили придорожные сосны. Впереди оленей бежали собаки. Над пеленою тундры спускалась полярная ночь. В ясном и темном небе зажигались низкие и крупные северные звезды. Было тихо, лишь сосны потрескивали от мороза, да шумела река, катясь по каменистому дну глубокого ущелья...

Мыкла ехал, напевая какую-то лопарскую песню. Опенкин, смотря на его широкую спину и развевающуюся от быстрого бега саней шерсть шубы, опасливо думал: «Вот попадешься такому лешему в лесу, ничего с ним не сделаешь» — и, сняв с плеча карабин, положил его на колени.

Уклоняясь от удара, Опенкин выпал из саней и покатылся по крутому косогору к реке...

— А дорогу ты хорошо знаешь? — спросил он. — Что-то мне помнится, будто эта гора была с левой стороны!

— Это Расночорр-то¹⁾? — усмехнулся Мыкла пренебрежительно. — Она уже тышу лет, как все на одном месте стоит. Не бойсь, долин не собьется в тундре с пути...

Луна выглянула из-за обрывков туч, и стало светло. Олени, расслапываясь по снегу, понеслись еще быстрее. Впереди них попржему бежали собаки. Вдалеке послышался их злобный и залихватный лай.

— Не медведь ли? — забеспокоился снова Опенкин.

— Нет, он на дорогу не выйдет. Лай быстро приближался, становился все злее и неистовее. Наконец, они остановились, и Мыкла соскочил с саней.

— Чорт, чорт... — донеслась до Опенкина сердитая ругань Мыкы.

— Чего ты там ругаешься?

— Посмотри сам, — вместо ответа ткнул Мыкла пальцем по направлению корявой сосны...

На длинной веревке медленно повертывалось колеблемое ветром человеческое тело, на снегу валялась шапка и малица. Мыкла посмотрел в лицо человеку и вскрикнул:

— Спиридон! — потом наклонился, поднял малицу и шапку.

У пояса повешенного Опенкин увидел большое белое пятно. Это был клочок бумаги. Сорвав его, он при лунном свете легко прочел крупную четкую надпись:

Так поступало со всеми большевиками и теми, кто помогает им бунтовать против законной власти.

Поручик Петровский.

— И поделом. Не бунтуй! — проговорил Опенкин.

Мыкла посмотрел на него, но ничего не ответил. Он бережно снял труп, положил его на землю и при-

нялся засыпать снегом. Когда над трупом вырос довольно большой холмик, он погрозил на север кулаком и пошел к саням.

Опять понеслись олени. С востока, как туча, быстро надвигалась огромная снеговая шапка Русувмчорра, и дорога стала круто спускаться в глубокую долину Иидичиока. Пригнув рога к спине, олени неслись, почти не касаясь земли ногами.

Едва удерживаясь в сани, Опенкин закричал:

— Куда тебя чорт несет-то?

Мыкла вдруг обернул к нему злое лицо, чуть наклонился вперед и, быстро схватив лежавший на коленях у Опенкина карабин, замахнулся им.

Уклоняясь от удара, Опенкин на крутом повороте потерял равновесие, выпал из саней и покатылся по крутому косогору к реке. Крик смертельного ужаса разорвал тишину тундры.

— Пропaday, чорт проклятый! — буркнул Мыкла и принялся тыкать оленей шестом.

* * *

На целых шесть верст вдаль в синие воды Умпявра плоский песчаный мыс. На самом краю мыса из вершин остроконечных снеговых сугобов тонкими воронками струится в серое небо дым. Это лопарские

вежи, а в них расположился реквизиционный отряд лейтенанта Мак-Доуэля и поручика Петровского.

В самой большой веже за столом, на складном стуле, сидит поручик Петровский; против него, на табурете, отрядный фельдфебель, — подпрапорщик из сверхурочных — Бурчак. Лицо у Бурчака — точно печеное яблоко, глаза бесцветные, судачьи, нос пылкий, на губах тараканы усики торчком, жесткие, как иголки у ежа. На столе пустая бутылка из-под выпитого коньяка.

— Не извольте беспокоиться, — рапортует Бурчак. — Здесь триста голов, да у Вудявра столько же забрано. Хватит...

В вежу вошел солдат, подталкивая лопаря.

— Нарочный от полковника Рошачковского.

Лопарь вытащил из-за пазухи примятый конверт и подал его поручику. Поручик вскрыл конверт и, прочитав содержимое, сердито плюнул и выругался.

— Ты знаешь здешние места? — обратился он к Мыкле.

— Знаю.

— Можешь провести нас на остров и к Сейтяву?

— Отчего не провести, только вот озером надо дорогу посмотреть, потому здесь никто не ездит, и во льду могут быть полыньи, в озере вертунцы есть, а они никогда не замерзают.

— Ну, так валяй, завтра с утра ищи дорогу. Завтра я отправляю на станцию подпрапорщика с оленями, а сам послезавтра выступаю с англичанами дальше на острова за оленями. Если окажешься хорошим проводником, можешь здорово заработать. Понял?

— Понял.

— Ну, вот и отлично. Можешь идти.

Из вежи Мыкла вышел, скрывая на лице улыбку...

* * *

На целую версту растянулся отряд, медленно двигаясь вверх по реке Майвалте к тесному ущелью Партомчорра. Впереди, на лыжах, Алексей Сорванов с собаками, за ним гуськом полсотни оленей, за оленями, на сани, изрядно подвыпивший Бурчак, потом опять олени, и шестие замыкает Григорий Галкин с собаками. По бокам на лыжах идут солдаты.

Пройдя к полному верст около двадцати пяти, отряд втянулся в ущелье. Из-за высокой скалы вышел человек, поправил лыжи и камнем скатился

¹⁾ Гора в 15 км к востоку от Имандры; чорр — гора

Поручик поднял руку, эхо подхватило сухой звук выстрела, и солдат, охнув, ткнулся головой в снег.

по крутому откосу прямо под ноги Сорванову.

— Гони, Алексей скорее! — крикнул человек и скрылся в придорожном ельнике.

Алексей улыбнулся, и лыжи быстрее заскользили по крепкому насту. Никто, кроме него, не видел этого человека.

Когда сани, на которых ехал Бурчак, поровнялись со скалой, по тундре прогремел одинокий выстрел, и подпрапорщик, охнув, как куль скатился в снег, а олени с испугу метнулись в сторону. Двое солдат бросились на лыжах догонять их, но опять прогремел выстрел, и передний солдат, взмахнув руками, ничком ткнулся в снег. Испуганные выстрелами олени разбежались кто куда, за ними бежали солдаты, скользя на лыжах.

Двадцать черных точек разом скатились с крутого косогора к дороге и окружили солдат, которые, побросав ружья, стояли, подняв вверх руки.

— Подберите ружья! — крикнул молодой человек в финке и, обратившись к солдатам, проговорил: — Снимай, ребята, подсумки!

Солдаты послушно исполнили приказание.

— Что ты думаешь делать с ними, Эван? — указал Мыкла на солдат высокому человеку в финке, — Убьешь?

— Зачем зря тратить патроны, отберу лыжи и отпущу. Все равно без лыж никуда не уйдут, — и, обращаясь к Галкину, крикнул: — Гони оленей к Сейтавр!

Скоро олени, собранные собаками, повернули на север, и лопари, отбрав у солдат лыжи, пошли вслед за ними.

Эван сел в сани. Мыкла легонько ударил хореем¹⁾ в зад Пинка, и сани понеслись, скрываясь в снеговом море...

Мыкла дал крюку и приехал на Тулылухт со стороны озера. Следов он это для того, чтобы белые, увидев его, подумали, будто он возвращается с поисков дороги.

— Ну, нашел дорогу? — спросил его поручик.

— Как не найти. Лопин всегда найдет в тундре пути, — самоуверенно ответил Мыкла, — только дорога больно плоха. Ночью по ней не пройдешь, снег сухой, как песок, на лыжах трудно идти.

— А это кто с тобой? — спросил поручик, показывая на Эвана.

— Так, лопин, один знакомый, с Поноя, — ответил Мыкла и прибавил, помолчав с минуту: — Надо будет лыжи смазать, а то по сухому снегу не пройдешь...

— Мажь, сколько тебе влезет, — усмехнулся поручик и крикнул рабочему унтер-офицеру: — Эй, Юденко! Прикажи-ка снести в лопарскую вежу все лыжи, пускай они их смажут. Завтра утром в поход...

До позднего вечера мазал Мыкла лыжи. Работал не торопясь, все жал, когда уйдут солдаты и Юденко, которые пробовали чуть ли не каждую

смазанную пару. Когда солдаты вынесли последнюю пару, Мыкла спросил Эвана:

— Как же мы возьмем лыжи?

— А вот как, — ответил, не задумываясь, Эван. — Ты пойдешь к поручику доложить, что закончили работу, а я тем временем уложу все лыжи на твоих санях и уеду. У выхода с Тулылухта, где большой камень, — мои люди. Понял?

Скрытые густым ельником, Эван и Мыкла стояли у огромной гранитной глыбы, наблюдая, как с Тулылухта вытянулся англо-белогвардейский отряд. Впереди шел Юденко с двумя солдатами, утопая выше колен в глубоком, рыхлом, как песок, снегу. Поручик шел рядом с английским офицером. У него в руках были планшет²⁾ и компас. Ветер стих, и слова отчетливо доносились в ломком морозном воздухе.

— Направление взято правильное, — говорил поручик, — и если мы будем так двигаться, то на третий день придем на станцию.

— Уес, — проговорил англичанин и вдруг погрузился по пояс в снег.

Поручик бросился на помощь. Они долго барахтались вдвоем в снегу, пока выбрались на тропинку. Отряхиваясь от снега, поручик ругался.

— Подлецы лопари! Попади они мне теперь, я бы моментально поставил их к стенке.

— Да здесь и стенки-то днем с огнем не найдешь, — злобно отозвался какой-то солдат.

— Что? Поговори еще у меня!

На месте расстреляно! — вскрипел поручик, выхватив револьвер.

— Всех-то не перестреляешь! — упрямо отозвался солдат, — мы и сами...

...но договорить он не успел. Поручик протянул руку, взвился круглый дымок, эхо подхватило сухой звук выстрела, и солдат, охнув, ткнулся головой в снег.

Солдаты пошли быстрее, но лица у них были хмуры и злобны, только вера, что поручик выведет их из тундры, спасала его от расправы. Медленно двигался отряд, люди шли неохотно, и лопари видели, с какими тяжелыми усилиями они вытаскивали ноги из глубокого снега.

Три часа шли лопари вслед за отрядом. Солдаты совершенно выбились из сил в безнадежной борьбе со снегом и холодом, и падали от утомления. Наконец, поручик сам выбился из сил и дал знак сделать привал.

¹⁾ Хорей — шест, при помощи которого лопари управляют оленями.

²⁾ Папка с графельной бумагой для левой сумки планов.

Солдаты с радостью остановились и их угрюмые лица на мгновение прояснились. Но утомление было настолько сильно, что сначала они не могли даже есть, и только озирались по сторонам, ища камней или деревьев, чтобы присесть. Но сплошная ровная пелена покрывала тундру.

Начался обед. Ели консервы, запивая их коньяком. Приятная теплота разлилась по всему телу, но эта теплота вызвала истому, которая вместе с усталостью неудержимо клонила ко сну. А сон в тундре был равносильен смерти.

— Сумасшедшие дураки, — прошептал Мыкла, — они заснут и замерзнут.

— Пусть замерзают, — отозвался Эван и вскочил в сани.

Он оставил здесь четырех лошадей, чтобы подобрать оружие, когда замерзнут солдаты, как замерз отряд Бурчака под холодным дыханием морянки, а остальным крикнул:

— Навстречу оленям, белые все равно не воскresнут!

По северному берегу Умпявра, в сорока верстах от Тулылухты, двигалось огромное стадо оленей. Впереди него, как полководец, ехал Алексей Сорванов в легких маленьких «кережках», запряженных одним оленем.

Олени идут гуськом один за другим, по бокам их, распутив по снегу пушистые лисьи хвосты, бегут умные и злые лапландские лайки.

— Сколько у тебя голов, Алексей? — спрашивает Эван.

— Триста сорок, — отвечает Алексей и едет дальше.

Рысюю идет стадо. Снег уже сел после морянки, прихватило его лютым морозом, и над ним образовался крепкий наст.

За стадом Алексея ведут триста голов братья Иван и Петр Ротчевы.

— Веди, Иван. Веди, Петр. Веди своих оленей прямо на Сейтявр, — кричит Эван. — Шестьдесят жизней¹⁾ и шестьдесят карабинов заплатили англичане и белые за твоего отца.

Братья Ротчевы машут руками и кричат:

— Спасибо за добрые вести, товарищи!

За Ротчевыми Григорий Галкин собрал десяток допинов, что пасли оленей вокруг Вудьявра, и ведет их.

Сам Григорий тоже едет в кережке, полощется по ветру красный флаг, на флаге надписи золотом: «Лай пык мыра пкрывья лах клай»²⁾ 1).

Полтора часа шли олени, целых полтора часа стояли на камне Эван с Мыклой, провожая их. Когда скрылся последний, Эван обернулся к Мыкле:

— Ну, теперь наше дело, кажется, кончено. Полторы тысячи голов спасли мы в эти дни, завтра они будут уже на Сейтявре, а через два дня на Поное. Там их никакой чорт не достанет...

Узким и тесным ущельем Иидичиока быстро несется длинная рада³⁾. В голове ее мчатся легкие санички. На санях Мыкла и Эван.

— Далеко еще до станции? — спрашивает Эван.

— Не, уже близко, — отвечает Мыкла и, показывая хореом в сторону, говорит: — Вот на этой сосне поручик Петровский повесил Спиридона Ротчева.

— Ну, теперь он больше никого не повесит, — усмехнулся Эван.

Миновали гору, и за поворотом в темноте ночи замигали редкие красные огни.

— Ну, вот тебе и станция.

Скоро полсотни саней и человек полтора ста допарей тесным кольцом обступили Эвана и Мыклу.

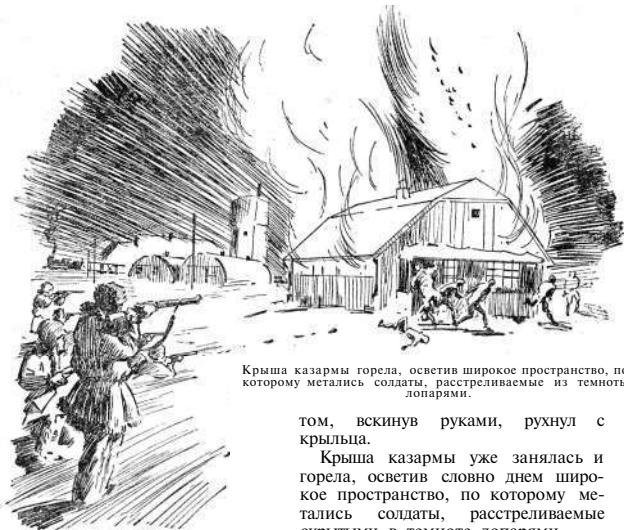
Неслышно подьехали лапары к станции, как волки к оленьему стаду,

но и подожгли его. Рыжевато-белая взметнулось кверху.

Мыкла, не отрываясь, смотрел на горящий дом. От вокзала доносились беспорядочная стрельба, потом крики, и вдруг он увидел, как в окна заметались фигуры людей.

Первым выбежал на крыльцо дневальный, но над ухом Мыклы грохнул выстрел, и дневальный свалился с крыльца ничком в снег. За ним выбежали пятеро солдат. Они были в одном белье и без толку заметались по широкому крыльцу. Пять выстрелов свалили троих, двое тотчас же скрылись в горящую казарму. Спустилось несколько минут выстрелов казармы отворилась снова, и уже одетые солдаты с карабинами в руках, один за другим, выбегали на крыльцо. Лапары по знаку Эвана открыли по ним огонь.

Мыкла прилежился в долговязого худощавого офицера. Он узнал в нем того самого майора, которого видел у полковника, когда тот отправлял его нарочным в Тулылухт. Майор на мгновение приостановился на крыльце, пропуская солдат. Мыкла вскинул свой карабин, взял майора на мушку и выстрелил. Майор покачнувшись, словно его кто толкнул, по-

Крыша казармы горела, осветив широкое пространство, по которому метались солдаты, расстреливаемые из темноты допарями.

том, вскинув руками, рухнул с крыльца.

Крыша казармы уже занялась и горела, осветив словно днем широкое пространство, по которому метались солдаты, расстреливаемые скрытыми в темноте допарями.

Влево от Мыклы, за путями, неожиданно вспыхнуло второе, потом третье зарево. Оно быстро разгоралось в ширину. Это посланные Эваном люди подожгли поезд, груженный досками. Мыкле видно было, как по обширному пространству, ярко освещенному огнем, бежали люди.

быстро прошли по пустынно-мертвому поселку и остановились у длинного бревенчатого здания...

Четверо допарей, по приказу Эвана, с четырех углов облили дом кероси-

¹⁾ Бедняки всех стран, соединяйтесь.

²⁾ Упряжка.

щенному уже немигающим светом пожараща, метались одинокие черные точки людей. Они размахивали ругами и что-то кричали.

Мыкла отлично понимал, что когда пройдут первые минуты паники, солдаты оправятся и сами перейдут в наступление, которое лопарям, не приученным к правильному бою, не выдержать. Он хотел было высказать свои опасения, как вдруг кто-то толкнул Эвана в бок и побежал к складам, крича своим людям, чтобы они следовали за ним.

Перед складами стояло уже полсотни саней, около них копотились люди, таская мешки с мукой, ящики с сахаром, чаем и консервами. Напротив стоял небольшой низкий дом, окна его были темны, казалось, что в нем никто не живет. Мыкла посмотрел на дом и вдруг крикнул:

— Полковник! Тот самый, что посылал меня с письмом в Тулулхут, — крикнул Мыкла.

Эван бросился к дому, за ним кинулся Мыкла.

Прямо против дверей, у стены, стояла широкая кровать. Свесив голые ноги вниз, сидел на ней толстый человек. Лицо его, круглое, как масляничный блин, выражало смертельный страх, пухлая рука шарилась под подушкой; он дико озирался на вошедших выпученными глазами. Рядом с кроватью стоял денщик в солдатской шинели, наброшенной прямо на белое и держал в руках сапоги.

— Который полковник? — спросил Эван.

— Толстый, — указал Мыкла.

Эван сделал шаг вперед и протянул руку, в которой блеснуло черное дуло «Нагана»...

Грузное тело опрокинулось на спину, и бессильно откинулась голова. В выпученных глазах остановилось выражение ужаса...

Они вышли. Сани уже были нагружены. В ста саженях от них догорали казармы; со станции, ярко освещенной пламенем горящего поезда, доносилась частая ружейная перестрелка и протяжное завывание паровозного гудка.

— Потопорись, товарищи! — крикнул Эван.

— Готово, командир! — разом отозвалось несколько голосов.

Эван пронзительно свистнул. Выстрелы тотчас же стали реже, и черные мохнатые силуэты людей быстро побежали от пожараща.

— Едем! — сказал Эван Мыкле.

Сани быстро покатились, за ними вытянулось еще полсотни тяжело нагруженных саней. Миновав поселок, райда остановилась и выстроилась

в два ряда. Со всех сторон к ней подходили люди и рассаживались по саням.

Наконец, громкий голос Эвана спросил:

— Все собралось?

— Да, — ответил голос Корнея. — Только Леонтия нету, Петра Зуикова нету, Федота Рыбакова нету,

Семена Волкова и Онуфрия Маркелова... Убиты.

Эван крепко сжал кулаки, подумав минуту и крикнул твердо:

— Тройай!

Сани рвануло и понесло. Скоро они скрылись в дрогнувшей мгле полярного утренняя, обгорелого дымным отблеском пожараща...

Наша коза

Забавная история о лекарстве, оказавшемся горше самой болезни

Рассказ Д. Фагана

Говорят, будто этот закон существовал испокон веков, но я узнал об его существовании всего несколько лет назад, в самом конце моей фермерской деятельности.

Он лежал в виде мертвой буквы, по крайней мере в течение половины столетия, до тех пор пока какой-то чиновник-крючкотвор не извлек его из архивной пыли и не вытащил на свет на мое несчастье.

И он вошел в силу, вошел яростно, как бы в отместку за долгое забвение. Шотландский терн, крестовник, дикая груша, дрок и ежевика объявлялись вредными растениями. В особенности преследовал закон ежевику, — и горе тому фермеру, на земле которого окажется хоть один побег этого зловерного представителя растительного царства! Он долго не забудет этого! На него обрушится вся тяжесть забытого закона, который будет преследовать его до тех пор, пока не вымотает из него душу.

Я оказался одной из первых жертв, и был обязан ничтожному кусту ежевики тем, что попался на крючек явившегося ко мне в одно прекрасное утро инспектора. Он нашел порядочный таки побег ежевики в каменистом углу моего фруктового сада, у реки.

Когда взгляд его упал на злополучное растение, все лицо его осветилось злорадной улыбкой.

— Ага! — воскликнул он. — Ежевика!

Это было настоящим праздником для его инспекторского сердца.

— О чем вы думаете? — продолжал он. — Разве вы не знаете за-

кона? Это будет стоить вам 50 фунтов!

Напрасно я пытался оправдаться. Напрасно старался объяснить ему, что старик Билль Крау, мальчики и я сам искололи себе все руки, выдергивая плети ежевики из каменистой почвы. Мы сотни раз принимались за ее истребление, прорыли ров вокруг груды камней, где она росла, перерубали и выдергивали из земли самые корни, а через месяц она вырастала вновь, стоглашая, в сотне новых мест. Труд Сизифа бледнел перед нашей борьбой с этой гидрой!

Чиновник и слушать ничего не хотел:

— Пятьдесят фунтов, и истребите эту чуму! Иначе вы ответите за последствия.

— Чорт возьми, да я же говорю вам, что с нею ничего нельзя поделать! Ну, как вы хотите, чтобы я уничтожил ее?

— Заведите козу, — сказал он сухо и велел подать свою лошадь.

Козу! Овец и коров у нас было много. Некоторые из нас охотились на кенгуру, кое-кто видел эму и киви, а старик Нед Стривен хвалился даже, что видел однажды моа. Но козу? В окрестностях не было ни одного человека, который когда-либо встречал это животное. Джим Бертон говорил, что он читал про коз где-то в Библии, но это, конечно, не могло помочь нашему горю.

Наконец, я узнал, что по ту сторону залива живет человек, у которого было когда-то две козы. Держал ли он их сейчас, мой собеседник не мог сказать. Но, во всяком случае, мы решили справиться, спустили лодку, и я отправился в путь со своими сыновьями.

Приехали. Я разыскал хозяина, жирного человека с широкой улыбкой. Спросил, нет ли у него праздных коз. Оказалось, есть. Их паслось четыре или пять штук на холме, за усадьбой, и он уступил

Коза лежала довольно удобно и жевала жвачку. Однако выражение ее глаз было несдоброе...

Зловредное животное дергало меня за волосы и норовило ухватить за ухо...

мне одну за три фунта и десять шиллингов. Он предложил мне при-
слать моих трех сыновей и обещал
дать им в помощь своего сына Дика.
Четвером они, по моему толста-
ку, без труда загонят одну из коз
во двор и поймают ее там.

— А смиренные они? — спросил я.

— Как ягнята, — ответил он.

День был жаркий, а путь от бере-
га до усадьбы не так короток.
Вернувшись к лодке, я послал маль-
чиков за козой вместе с Диком Мер-
чентом, а сам лег на дно лодки,
чтобы отдохнуть. С берега ко мне
доносились крики, бляение каких-то
незнакомых животных, щелканье
бича; но звуки слышались все тише
и тише, и наконец, я заснул.

Я проснулся от какого-то шума
и мне показалось, что происходит
землетрясение. Четверо кричащих
парней и коза, сцепившись в общий
клубок, катились с крутого берега к
бухте. Каждый из них держал козу
за одну ногу, и я видел, что они
вцепились крепко, как булдыги.

— Держи ее, ребята! — крикнул я
и, охваченный внезапным приливом
энергии, бросился им на помощь,
но тотчас же был сбит с ног и упал
прямо на козу.

Нас было пятеро, а она одна.
Вод конец мы все-таки одолели ее,
связали ей крепкой веревкой ноги
и отнесли в лодку. Она лежала там
между скамейками довольно удобно
и жевала жвачку, а мы гребли. Од-
нако выражение ее глаз было не-
доброе, и я, должен сознаться, не
разделял оптимистического взгляда
ее бывшего хозяина относительно
кротости ее нрава.

Поднимался ветер, и на море по-
явились волны. Соленые брызги ле-
тели в лодку. Я сидел загребным
и работал изо всех сил, когда вдруг,

без всякого предупреждения, кто-то
изо всей силы ударил меня в спи-
ну. Я свалился со скамьи, и в ту
же минуту какой-то дьявол с ост-
рыми копытами пробежался на че-
тырех ногах по моему распростер-
тому телу.

Это была проклятая коза! Она
ухитрилась перегрызть веревки, ос-
вободилась и начала буйнить. По-
свалив меня, она поскакала голопом
на другой конец лодки, разбросав
моих мальчуганов — кого направо,
кого налево.

Лодка, не направляемая веслами,
вышла из курса, а коза продолжала
свое наступление, стараясь изо всех
сил выбросить нас за борт. Это бы-
ли ужасные минуты! Мы несколько
раз были на волосок от гибели. На-
конец, Джиму удалось ухватить ее
за ногу. Она упала, и мы все со-
обща навалились на нее. Коза усту-
пила силе, но не сдалась. Наше по-
ложение затруднялось тем, что во
время возни все веревки попадали
за борт, остались только небольшой
конец, которого хватило на одни
задние ноги.

Так как она продолжала в таком
полусвободном положении свои воен-
ные действия, то решено было, что
я брошу руки и буду держать ее
обеими руками вокруг туловища,
положив ее передние ноги себе на
плечи. Мальчикам пришлось одним
гresti все 15 миль, которые отде-
ляли нас от дома.

Никогда не забуду этого путе-
шествия, — в неудобном до нелепости
положении, в легкой лодке, на не-
спокойном море, обнявшись с козой,
которую я прижимал к себе обеими
руками и коленями! Зловредное
животное все время старалось ткнуть
меня мордой в глаз. Шляпа у меня
свалилась, и ее унесло в море. Ко-
за дергала меня за волосы и норо-
вила ухватить за ухо. Несколько
раз, с совершенно неожиданной си-
лой, упершись задними ногами в
дно лодки, она ухитрилась поднять
меня со скамьи, и был момент,
когда она едва не отправилась вме-
сте со мною за борт.

Доведенный до отчаяния, я хотел
уже сплунуть ее туда одну, чтобы
отделаться от нее раз навсегда,
когда один из мальчиков, крепко на-
легая на весла, вдруг сказал мне:

— Попробуй петь, отец! Может
быть это ее успокоит...

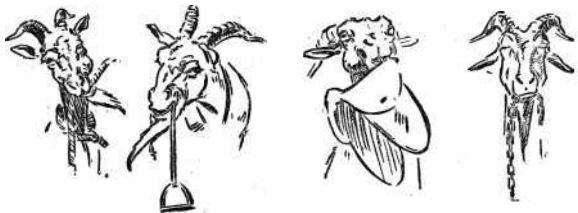
Это была счастливая мысль. Я за-
пел в тишине наступающего вечера.

Скажу без лишней скромности,
что я — самый заурядный певец.
Мои друзья даже и этого не хотят
признать за мной, тем не менее,
пока я пел, коза вела себя смирно,
как ягненок. Как только я замол-
кал, она сейчас же начинала воз-
виться и делала все возможное, что-
бы перевернуть лодку.

В течение двух мучительных ча-
сов мой голос сливался с шумом
шторма. Я спел ей решительно все,
что знал. На слова она обращала
мало внимания, но в смысле напева
ей больше всего понравилась дет-
ская песенка про ягненка. Я повто-
рил эту песенку, должно быть, сто
раз. И благодаря моему пению, мы
благополучно достигли берега, из-
влекли козу из лодки и заперли ее
на ночь в дровяной сарай. На дру-
гое утро мы отвели ее к кустам
ежевик.

Теперь я должен познать вас
с теорией о козах и ежевике; она,
эта теория, заключается в следую-
щем: животное крепко привязыва-
ется к зарослям ежевики, и ему
приказывают есть ее. Предполагает-
ся, что слюна козы содержит веще-
ство, которое отравляет растение
и оно погибает. Козе оно, конечно,
совсем не нравится, она любит го-
раздо более тонкую пищу, но для
того-то ее и привязывают; голод
заставляет ее есть, наконец, колю-
чие побеги. Хорошим соусом мож-
но слоборить всякую пищу, голод
является в настоящем случае этим
самым соусом, и коза станет все-
таки скорее есть ежевику, чем
умирать с голоду...

Но, увы! Жизнь очень часто сме-
ется над самими, казалось бы, на-
дежными теориями. Коза очень
быстро справилась с теорией, кото-

Коза перегрызла за ночь канат изжевала ремень от стремени; обсыла кожу с седла... Цепь для нее не годилась: она ухитрилась раскрыть какое-нибудь звено...

рую мы пытались утвердить за ее счет, — в первую же ночь.

Днем все шло хорошо. Она даже начала пощипывать молодые побеги ежевики, и мы уже радовались, что справились с этой чумой. Но на другое утро мы проснулись от тревожных криков. Коза отвязалась и вступила в единоборство с щенком овчарки, который вовсе не желал играть с ней и был за это немилосердно подброшен вверх раздосадованной чертовкой...

Освежившись купаньем, Уосон сел на берегу обсушивать, свесил ноги и закурил папироску...

Когда мы встали и вышли во двор, мы обнаружили, что коза перетрясла за ночь двухудоймовый канат, которым она была привязана. Очутившись на свободе, она отправилась исследовать свои новые владения и удовлетворять погубную страсть к проказам. Она обела кожу с седла, неряшливо оставленного на ночь неубранным, пробралась в огород и полакомилась морковью и репой, изжевала ремешок от стремени, — словом, ничто не избежало ее острых зубов.

Привязывать ее совершенно не стоило. Цепь, на которую мы сажали собаку, для нее не годилась: она ухитрялась каким-то образом раскрывать какое-нибудь звено и, очутившись на свободе, принималась за свою разрушительную работу. У нас вошло в обычай вставать с восходом солнца и гоняться за козой. Это отнимало очень много времени; но не успевали мы поймать и привязать ее, как она вновь срывалась, и приходилось начинать сначала. Она стала для нас мучением, кошмаром.

Почему же мы не резали ее? — спросит всякий. — Не знаю. Мы боролись с ней, гонялись за ней, она бодала нас и продолжала делать свое дело с такой настойчивостью и успехом, что как-то незаметно мы стали даже восхищаться ей. Когда кто-нибудь произносил ей смертный приговор, всегда находился и заступ-

ник. «В последний раз надо ей простить...» И ей прощали. Простили даже, когда она изжевала целую корзину белья и обглодала свежую окраску...

Но конец ей все-таки пришел; вот как это случилось.

Однажды утром к нам приехал Уосон, мой приятель, у которого по соседству тоже была ферма. Хотя нас и отделяли целых двенадцать миль, мы все же находили время, чтобы навещать друг друга. На этот раз Уосон не застал никого из нас дома. Мы все ушли на рыбную ловлю к устью реки, и даже моя жена, соблазнившись хорошей погодой, пошла с нами. Звук наших голосов вдали объяснял ему, где мы находимся и что делаем — мы вынимали верши — и он решил подождать нашего возвращения. Дело приближалось к обеду; он знал, что мы не замешкаемся и терпеливо уселся в тень под яблоней.

День был жаркий. Уосон устал и заплылся дорогой. Блестевшая неподалеку речка манила освежиться прохладной водой, и он, не долго думая, разделся и прыгнул в воду.

Вода была чудесная. Освежившись купаньем, он сел на берегу обсушиться, свесил ноги, закурил папироску и погрузился в созерцание расставившейся перед ним живописной картины.

И вдруг, без всякого предупреждения, без малейшего тревожного звука, что-то налетело на него сзади с силой землетрясения, и он взлетел на воздух, как ракета, описал дугу и упал в воду — головой вперед.

Это была коза! Она отвязалась, как всегда, и пошла вредить. Я представляю себе, как это произошло. С свойственной ей хитростью она, очевидно, притаилась в траве с коварным выражением в своих белых глазах — и ждала психологического момента. А затем — бесшумно подкралась и как молния ударила в спину блаженствовавшего Уосона.

Вот почему, вернувшись в лодке через пять минут после этого, мы застали среди кустов на лужайке настоящий ураган, сопровождавшийся яростным криком носившегося за козой голого мужчины с перочинным ножом в руках.

Когда мы пристали к берегу, Уосон услышал наши голоса, оглянулся, увидел женщину и, испустив

пронзительный крик, прыгнул в ближайший куст. Моя жена поспешила скрыться по направлению дома...

А коза, воспользовавшись временем, чтобы заняться платком Уосона, подхватила рогами его брюки и понеслась по дугу, размахивая ими как знаменем. Мои мальчики бросились за ней.

Когда берег очистился таким образом от публики, Уосон до половины высунулся из куста. Он представлял собой очень печальное зрелище. Взлохмаченная голова, красное вспотевшее лицо, извергающее ужаснейшие ругательства, и тело с гневно размахивающимися руками. Все покрытое речными водорослями.

Я с трудом узнал своего старого друга.

— Вы... вы... вы... — кричал он, захлебываясь от гнева, но будучи в состоянии подобрать подходящее слово для выражения своего негодования.

Я сделал все возможное, чтобы успокоить его. Как хозяин дома и владелец злополучной козы, я распылся в извинениях, но ничего не помогало. Сыновья мои вскоре вернулись с плачевными остатками его одежды; он молча натянул на себя изорванные брюки, прикрыл верхнюю часть тела изжеванной курткой и повернулся к нам спиной. Он отказался даже пообедать с нами и уехал домой голодный. Проез-

Коза подхватила брюки Уосона и понеслась о ним по дугу.

жая мимо калитки, он поднял сжатый кулак:

— Злодей! — крикнул он, — спускать на меня какое-то бешеное животное!

Это было неблагоприятно с его стороны. Как будто я нарочно подговорил козу сбросить его в воду!..

Но козе на этот раз пришел конец. На утро я продал ее соседнему мяснику...

Только через год мой старый приятель решился опять приехать ко мне. Чорт бы побрал проклятую бестию!..

ПОЛЯРНЫЙ РЕЙС КЛИППЕРА „МЕДВЕДЬ“

(К рисунку на обложке)

Осенью 1927 г. в Вашингтоне были получены тревожные сведения о бедствии восьми китоловных судов, затертых льдами у мыса Барроу (на крайнем северном побережье Аляски). Зима настала рано и китоволы не успели во-время выбраться

разведные оленей на Аляске и содержало огромные стада этих животных в снежных равнинах области.

— Почему бы нам не доставить китоволовам «говядину на копытцах», пригнав два-три стада оленей в Барроу? — заявил он. План был встречен с восхищением, однако старые «полярные волки» озабоченно качали головами.

— Шутка ли прогнать олене стадо на тысячу миль пути!

Знаете ли вы, что такое полярная зима? Бесперывные вьюги и метели; острые ледяные снежинки режут лицо... даже полукикие аляскинские псы — маламуты не могут противостоять этим вьюгам.

Тэтль и сам признавал, что экспедиция является соломинкой для спасения утопающих. Тем не менее 27 ноября клиппер «Медведь», нагруженный углем и провизией, вышел из залива Сизтль по направлению к северу. Бросив якорь в бухте о-ва Уналаска, «Медведь» спустил 16 декабря на побережье Аляски группу намеренных для экспедиции лиц: лейтенантов Джервиса и Бертольда, судового врача Коль и матроса Кольцова, русского по национальности. Купив в эскимосской деревушке 41 собаку — маламутов и нагрузив четверо саней провизией, группа начала странствие через дельту реки Юкон к поселку Сен-Михаэлиса на берегу Нортонского залива.

Узкая береговая полоса тянулась вдоль моря, а позади нагромодились уступами ледяные вьсы Аляскинские горы. Море у берегов не вполне замерзло и пробраться к поселку кратчайшим путем не представлялось возможным. Надо было подыматься на горы. Сопровождать экспедицию взялся полурусский-полуэскимос Алексей, житель деревушки. К счастью было сравнительно тепло — 30°F, но рыхлый снег затруднял продвижение собак, проваливавшихся в сугробы. По мере подъема вверх погода ухудшалась и, когда после десяти часов пути добрались до перевала, снежная вьюга бушевала вокруг, залепляя глаза колючими иглами мерзлых снежинок. После короткого совещания решили спуститься с горы, пригизав себя к саням.

Наперегонки с воюющей метелью помчались легкие санки под уклон с высоты двух тысяч футов, унося в своем бешеном беге привязанных людей. На спуск понадобилось всего десять минут.

На берегу, в рыбацкой эскимосской деревушке, расположились на ночлег, а на утро двинулись дальше.

К следующему вечеру добрались до новой деревушки. Две упряжки молодых собак совсем выбились из сил, и экспедиция разделилась. Джервис и Коль двинулись вперед на поиски оленьего стада, а Кольцов и Бертольд остались поджидать возвращения жителей эскимосов с рыбной ловли, чтобы купить у них новых собак.

Медленно продвигались Джервис и Коль по холмистой и болотистой равнине. Через четыре дня они добрались до поселка Андреевского, где зимовало несколько юконских пароходов. Прибывших встретили радостно...

На утро двинулись снова в путь. Погода резко изменилась. Мороз крепчал, снежная вьюга била в глаза, валяла с ног. К полудню и люди и собаки выбились из сил и принуждены были сделать привал. Морзя не захватили меховых одежд и холод давал себя чувствовать. Шерстяные фуфайки и одежда оказались недостаточными для полярной экспедиции...

На утро с трудом подняли собак и на чали спускаться по Юкону. Кровавый след собачьих лап отмечал их дальнейший путь.

Острые, как битое стекло, льдинки покрывали сверху лед реки, и через час лапы собак были изранены до крови. Шесть дней длился мучительный переход. 30 декабря морзя добрались, наконец, до Сен-Михаэлиса.

Здесь Джервис поспешил закончить оборудование и снабжение своей маленькой экспедиции. При помощи местного торговца американца Энгельстада он приобрел не только для себя и Кольа необходимые теплые вещи, но позаботился о них и для остальных двух членов экспедиции, равно как и для будущих гонщиков оленых стад.

Энгельстад обещался заготовить поместительные «следжи» (сани) с меховыми одеждами и запасом провизии в поселке Унадаклик, в трех днях пути к северу от Сен-Михаэлиса. Джервис оставил в поселке инструкции для Бертольда, которому поручил захватить сани и направиться с ними через хребет к северу, до мыса принца Уэльского. Сам же он пустился на разведку за оленьим стадом к заливу Колебу, в южной части Арктического моря.

Клиппер «Медведь» в бухте острова Уналаска. в свободные ото льда просторы Берингова моря.

На восьми судах находилось 265 человек экипажа. Долгая полярная зимовка являлась для них верной гибелью, ибо провизия была почти вся израсходована во время долгого плавания, а запасы маленькой колонии белых и эскимосов в Барроу были слишком ничтожны, чтобы покрыть потребности столь значительного прироста населения.

Общественное мнение было занято вопросом о доставлении необходимых продуктов обреченным на гибель китоволовам. Однако самые авторитетные знатоки полярных областей категорически высказывались за невозможность притти на помощь раньше июня или июля следующего года.

С предложением выступил Тэтль, капитан «Медведя» — клиппера) полярной береговой охраны. «Медведь» только что вернулся из летнего рейса по закоулкам Берингова моря. Капитан Тэтль заявил, что можно добраться к запертых льдами судам по суше, в обход Аляски. Тэтлю возражали. Мало было добраться, необходимо доставить продовольствие на долгие 8 месяцев полярной зимы для 265 человек.

— Всех собачьих упряжек Аляски не хватит для перевозки такого пищевого транспорта — возражали ему.

Тэтль указал, что правительство в течение последних лет всячески поощряло

1) Быстроходное парусное очень узкое судно.

К 3 февраля погнали оленей дальше, на север, имея уже 438 голов и 18 саней о припасами...

Тяжел и мучителен был этот путь. Ветер разметал снег с побережья, очистив острые ледяные глыбы на замерзшей почве. В течение первых двух дней с трудом сделали 33 мили. На третий день Джервис встретил группу измученных людей. Это были моряки Тильтона с одного из китоловных судов в сопровождении двух эскимосов-проводников. Тильтон был совершенно измучен. По его словам положение китоловов было еще хуже, чем предполагали на «Медведь»: льды раздвинули два судна и они пошли ко дну со всеми запасами. На мысе Барроу уже была установлена самая минимальная норма питания и среди людей начались заболевания цингой. Снабдив встреченных людей провизией, Джервис направил их в Уналаклик, а сам продолжал свои поиски оленьего стада.

10 января буря была особенно сильна, и равнина покрывалась глубокими сугробами снега, в которые собаки проваливались по брюхо. Джервис начал было падать духом, но ему повсчастливилось напасть на оленьи следы.

Джервис отправил в Уналаклик свои собаки упряжки и продолжал путь к северу на оленях. Перезука багажа и отправка собак заняла три дня, и только 13 января Джервис углубился в ледяные зазоры, покрывавшие все побережье.

Олени неохотно шли по ледяным холмам и буграм и несколько из них вырвались и убежали. До 17 января путь был непрерывной борьбой с выгой и ледяным градом, слепившим глаза. Пришлось остановиться в хижине эскимоса и провести два дня. К 20 января кое-как добрались до мыса Номе, где встретили стадо оленей в 138 голов, принадлежавших богатому эскимосу Артирзалуку.

Стоило больших трудов уговорить его отдать своих оленей, так как эскимосы ценят их выше всего и обычно своих кормильцев не уступают ни за какие деньги. Он согласился со вздохом и жалобами на сделку, только под условием, что даст оленей на честное слово Джервису — не за деньги, а в обмен на новое стадо из государственных резервов оленей.

Джервис оставил Коля с эскимосом, дав им инструкции двигаться на север, сам же бросился на другую оконечность мыса в погону за казенным стадом, находившимся там, как ему сообщили, под охраной интенданта Лоппа.

К 3 февраля Коль, совместно с Артирзалуком, подогнал сюда стадо оленей и они двинулись дальше вместе, имея уже 438 оленей и 18 груженных припасами саней. Провождение затруднилось тем, что по дороге олени останавливались и расклевывали себе корм под снегом. В день удавалось сделать не больше 6—8 миль.

Джервис нервно, вспоминая о Бернгольфе, который по всей вероятности уже прибыл на побережье залива Коцебу и находится там в безвыходном положении — без запасов пищи и одежды. Поэтому, оставив позади стадо, он умчался вперед на собачьей упряжке.

12 февраля, после утомительного пути, Джервис добрался до стоянки Бернгольфа, с которым расстался 20 декабря. Ему удалось перебраться напрямик, по льду залива Коцебу. 27 февраля переправились по льду и олени. Настала самая трудная часть пути; экспедиция в полном составе двинулась дальше.

Беспрерывные выгои и буран, резкие морозы и огромные стаи волков, избивающие в этой части Аляски, создавали условия отчаянной борьбы со стихией.

Измученные, обессиленные люди лишь через 2 недели добрались до побережья Барроу. Переночевав в снежной землянке эскимоса, Джервис 17 марта выехал вперед на собаках и к радости своей увидел затертый льдами в нескольких милях от берега китолов «Бельведер». Истрадавшийся и изголодавшийся, наполовину больной цингой, экипаж не верил сначала его словам о идущем следом огромном стаде оленей.

Однако, когда к вечеру вдали на горизонте замелькали темные пятна оленей, экипаж обезумел от радости и не знал, чем и как выразить свою благодарность. Припасы были уже на исходе, а впереди до июля оставалось еще долгих 3 месяца, которых вряд ли им удалось бы пережить.

«Медведь», затертый льдами у Уналаски, переживал до 14 июня, когда сдвиг льдов дал ему возможность начать продвижение к мысу Барроу, куда он и прибыл 28 июля.

Однако здесь гигантские глыбы льда вновь захватили клипсер в свои цепкие объятия, и лишь 17-го августа «Медведь» мог двинуться в обратный путь к югу, уезжая на своем борту больших китоловов. 31 августа «Медведь» прибыл в Уналаску, а 13 сентября — в Ситку. Участники экспедиции были награждены, а клипсер «Медведь» получил почетное звание «Борца полярных льдов», — за единственный в своем роде рейд, где лоды не побоялись вступить в борьбу с озверевшей стихией для спасения человеческих жизней.

Г.-М.

„СЛОНОВИЙ УНИВЕРСИТЕТ“

Слоны в тропических странах могут быть незаменимыми домашними животными и помощниками человека. Но, к сожалению, взрослые слоны не поддаются приручению и, кроме того, долго не выживают в неволе. Старого слона невозможно чему-либо научить, к тому же его трудно поймать.

Вследствие этого бельгийцы еще лет тридцать назад основали близ местечка Бута (в центральной Африке) большую школу для воспитания и дрессировки слонов. Слоны, как известно, до двадцатилетнего возраста неспособны к работе, и поэтому воспитание слонят длится более десяти лет.

Слонят ловят в бамбуковых зарослях, куда старые и молодые слоны ходят целыми стадами лакомиться молодыми побегами бамбука. Часто, чтобы поймать слонят, приходится убивать их матерей.

Слонята очень привязаны к своей матери, и нередко охотники за слонами

прибегают к такому способу: они отрезают от убитой слонихи кончик хвоста, выдают из ее сосков несколько капель молока, обливают этим молоком кончик хвоста и подносят его слоненку. Глупый малыш, чувствуя запах матери и материнского молока, берет хоботом кончик хвоста и сам идет в неволю, не подозревая коварства человека.

В слоновьей школе в настоящее время около сотни воспитанников. Для них имеется целый штат учителей — карнаков, которые регулярно каждый день занимаются обучением слонят.

Слоновья школа производит необычайное впечатление. Вот в каких словах описывает свое посещение этой школы один французский журналист:

«Еще с берега реки, на берегу которой находится школа, мы слышали приятное пение. Мы можем разобрать отдельные слова:

О ле яла-яла
Соро тибан...
Успокойся, маленький братишка,
Все пройдет со временем;
Стоит ли плакать,
Луна всегда догоняет солнце...

— Что это такое? — спросили мы у заведующего школой, сопровождавшего нас.

— Это колыбельная песня для слонят. И он вводит нас в помещение, предназначенное для новичков. Привязанный канатами к четырем большим столбам, маленький слоненок угрожающе поднял хвост и бешено кидается на стоящих вокруг него карнаков-индусов. Последние держат в руках пальмовые ветви и размахивают ими в такт своему пению.

... Малыш, чувствуя запах матери и материнского молока, берет хоботом кончик хвоста убитой слонихи и сам идет в неволю за охотником...

— Это только что пойманный слоненок, поступивший в приготовительный класс, говорит нам директор школы. — Он немного расстроен, бедный малыш. Но пение, которое слышите вы, успокаивает его, как колыбельная песня. Слоны очень чувствительны к ритму; малыш скоро успокоится.

И, действительно, слоненок через три-четыре минуты опустил уши, синхронно покачивая головой. Пение продолжалось:

Айи танда мун
Соро тибан...
Ешь бананы, глупый, и листья,
А в это время
Луна, как всегда, догоняет солнце...

«Дитя» неподвижно. Его маленькие глаза закрываются. Слоненок засыпает...

После двух — трех месяцев пребывания в «школе» слоненок привывает к соседству людей, и его поручают взрослому слону, который отныне становится его наставником.

Вначале ученика привязывают к учителю, но очень скоро эта предосторожность становится излишней. Ученик привывает к своему учителю и не пытается от него убежать.

С этого момента начинается первая ступень обучения. Учитель — дрессированный слон — объясняет основные принципы домашней жизни: не разрушать хижин, почесываясь о них, соблюдать порядок во время кушаний, принимать пищу в определенный час, звать глосс карнака.

Когда это достигнуто, начинается период обучения второй ступени. Преподавателем становится карнак, терпеливо обучающий воспитанника всему, что должен знать слон: разрешать человеку садиться на его спину, поворачиваться вправо, когда нога карнака надавливает на правое ухо, налево — когда карнак надавливает на левое ухо; понимать восклицания, означающие: вперед (тамбули), хорошо (саба). Протягивать хобот за анаксами или бананами, когда карнак почесывает ему макушку, и многим другим полезным мелочам жизни, изучение ко-

торых продолжается до двадцатилетнего возраста.

Двадцатилетний слоненок становится уже взрослым слонем. Он съедает в день сто килограммов листьев, но за то может исполнять работу шестидесяти человек — валить деревья, вести телегу с грузом в пять тонн и тащить плуг с двенадцатью лемехами.

— Когда я приехал сюда тридцать лет назад, — говорит заведующий школой, — здесь кругом был непроходимый тропический лес, а теперь, как видите, всюду плодородные поля — и это все благодаря слонам. У нас очень мало людей, да им и не под силу была бы такая работа.

Таким образом, слоны являются энергичными сотрудниками человека в центральной Африке. Но нужно сказать, что предприимчивый капиталист почти уже истребил этих животных. И только теперь, когда колонизаторы поняли пользу, какую слоны могут принести, принимают некоторые меры к охране этих умных животных.

Н.Л.

„ДНО“ ЗЕМНОГО ШАРА.

Американец Бэрд, открывший Северный полюс, снаряжал к концу лета нынешнего года экспедицию для исследования Южного полюса. Рассматривая земной шар как «кубышку со сплюснутыми концами», он шутливо говорит: «Крышку земного шара я уже приоткрыл, теперь займемся в донышко его»...

Многие полагают, что Северный и Южный полюсы, Арктика и Антарктика, вполне схожи по всем условиям. Однако, как это доказано предыдущими, хотя и не полными исследованиями, это далеко не так.

Южный полюс был открыт дважды в 1910 году: первым прибыл в эту загадочную точку земного шара Амундсен, выступив со своими собаками и упряжками с антарктического побережья со стороны Новой Зеландии. Выюги и бураны огромной силы значительно осложнили его путь. Но все же он оказался удачливее Скотта, добравшегося к полюсу через месяц после него, но погибшего со своими тремя спутниками на обратном пути, в сотне миль от главной базы своей экспедиции.

Из имеющихся у нас сведений об Антарктике можно вывести заключение, что жизнь в ней совершенно отсутствует, несмотря на то, что, в противоположность Арктике, представляющей необозримые водные пространства, она является в сущности шестым материком земного шара. Однако, и эти немногие сведения дали нам, главным образом, капитаны и матросы китовых судов, пристававшие к побережью материка в течение короткого лета. Они говорят, что видели пингвинов — старую птицу, которая остается в этих мрачных областях и зимою кладет свои яйца в снег. В летнее время изобилуют некоторые виды чаек, а воды буквально кишат тюленями, нерпами и китами. Но растительная жизнь представлена крайне бедно: лишь мхи и лишайники скудно покрывают обнажающиеся от снега скалы. Из насекомых нашли только одного представителя необычной и причудливой формы. Что же касается червей, моллюсков, пресмыкающихся и т. д., ни один из

посещавших Антарктику не упоминает о них.

Антарктика не знает резких колебаний температуры Арктики, где зимние восьми-десятиградусные морозы сменяются летними знойными днями, привлекающими на сочные пастбища бесчисленные стада оленей и мускусных быков. Почва Антарктики никогда не отмерзает настолько, чтобы дать ростки даже маленькой травы; в летнее время термометр там редко поднимается на 4—5° выше точки замерзания.

Однако авторитеты-натуралисты склонны признать существование жизни в Антарктике. Они говорят, что трудно предполагать, чтобы область, освещаемая и нагреваемая солнцем в течение 2 1/2 месяца беспрерывно днем и ночью, не могла развить жизнь где-либо в долинах, укрытых горами от резких антарктических ветров. Более чем вероятно, что растительная и органическая жизнь этой области совершенно отлична от наших форм.

Исследования натуралиста Джемса Мурея, сопровождавшего экспедицию Шеклтона, подтверждают эти признания. В водорослях, взятых по дну антарктических озер, даже в кусках льда Муррей при помощи сильного микроскопа открыл органическую жизнь. Нитчатые черви, странные животные формы (например, микроорганизмы, похожие на медведей), крохотные моллюски жили и двигались в куске льда. Опытами было установлено, что эти микроскопические животные сохраняют жизнеспособность при предельных

температурах от 40° ниже нуля до 12° выше нуля по Цельсию.

Экспедицию Бэрда предполагается организовать с широким размахом. Она не ограничится коротким «налетом» на Антарктику, а должна основать прочную главную базу в виде постоянного поселения в глубине Антарктики, где и останется на 1 1/2—2 года, а быть может и больше. В августе текущего года 17 000-тонное судно отправится в поход и, отвезя экспедицию в Антарктику, зазимует в бухте Новой Зеландии или о-ва Тасмания.

Экспедиция же начнет сооружать городок. Все здания этого городка будут возведены прочно, с возможными усовершенствованиями, как по утеплению, так и по устойчивости против зимних бурь. Электричество, «городской» телефон, радио для сообщения с далекими культурными странами, прекрасно оборудованные лаборатории и мастерские, солидные склады провизии и топлива — все предусмотрено для того, чтобы создать членам экспедиции вполне благоприятные условия жизни и работы. С наступлением теплых дней будут установлены воздушные рейсы для сообщения центром. Особые «полярные» самолеты будут служить для облета разных частей Антарктики в летнее время. Вообще летом будет идти лихорадочная работа по сбору образцов недр, ископаемых, разных форм жизни и т. д. В долгие же зимние месяцы все эти находки будут изучаться и анализироваться в лабораториях.

Радиостанция будет сооружена по последнему слову техники с двумя длинами волн — в 40 метров и 2000 метров. Ученые круги Америки очень заинтересовались этой экспедицией, обещающей ряд новых открытий.

КТО БОЛЬШЕ ЗНАЕТ ???

ОТВЕТЫ ВТОРОЙ СЕРИИ

1. Река Кара в Карское море.
2. Северная часть Гвианы — английский колония; средняя — нидерландская; южная — французская.
3. В 1446 или 1451 г. в гор. Понтверда (Испания), хотя долгое время, даже в XX веке, родным городом Колумба считали Генуею (Италия).

4. Китайское трехмачтовое парусное судно.
5. Северный конец магнитной стрелки будет притягиваться к земле, т. к. сколо Гузюнова залива находится южный магнитный полюс.
6. В СССР (в средней части).
7. Род ящериц, созидает 10 звезд южного неба и марганцево-кислый калий.
8. Греческий философ Платон.
9. Так называется совокупность всех областей земного шара, заселенных человеком.
10. Нет, она может смертельно укусить человека, т. к. яд ее находится не в жале, а в особом зубе.
11. Жирффа (Африка), имеющая шею, равную по длине своему росту до плеч (3 м до плеч, 6 м до верхушки головы). Для того, чтобы пить или схватить что-либо с земли, она вынуждена опускаться всю шею вниз, что делает ее вдвое меньшей.
12. Острова Малайского архипелага, часть света и южное (австралийско-южный).
13. Америка.
14. Изучением древних умерших животных и растений, выкапываемых из недр земли.
15. Азов на берегу Азовского и Охотск на берегу Охотского моря.
16. Торчиелли (1643).
17. Уступы земной поверхности, возвышающиеся один над другим.
18. Магеллан в 1519—1522 гг.
19. Реки Прут и Днестр в Черное море—Бессарабия (захваченную румынскими насиликами).
20. О ее не слишком давнем присоединении. Нева по шведски «ныо» — новая.
21. В древности для сохранения тела на место внутренностей вливали асфальт, который у арабов носит название мумии.
22. В Бурятия-Монгольской Авт. Сов. Соц. Республике.
23. Угол, заключенный между продолжением стрелки компаса и линией направления, по которому необходимо двигаться.
24. Ленютинский глест — солитер.
25. 3700 км.
26. Ее защищает от охлаждающего действия атмосферы длинный столб воздуха.

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

ВЫСТАВКА СУБТРОПИЧЕСКОЙ ФЛОРЫ.

Общество акклиматизации («Юго-Климат») приступило к организации в Одессе выставки субтропической флоры черноморского побережья.

Выставка преследует целью демонстрацию достижений в области садоводства и акклиматизации за последние годы. Вместе с тем, организация выставки будет способствовать поднятию акклиматизационного дела в Одессе и в прилегающих к ней районах.

Общество акклиматизации уже снеслось с батумским и сухумским садами, с опытными станциями кавказского побережья, которые примут участие в выставке своими экспонатами. Общество решило также привлечь к участию на выставку и киевский акклиматизационный сад.

ПОЛЯРНЫЙ ШТОРМ.

В гидрографическом управлении (Ленинград) получено радио о полярном шторме на островах Северного Ледовитого океана, свирепствовавшим зимою.

- духа в колоде, обладающий малой теплопроводностью.
27. Агами — золотой трубак (сторожит стада, усмиряет птицу и пр.).
28. Острова южной части Тихого океана к востоку и северо-востоку от Австралии.
29. Республика Чили в Южной Америке (Чилийская селитра).
30. Микробиотика.
31. Антилопы.
32. Наука о собаках.
33. О. Тендер на Черном море.
34. Немецкий инж. Лилиенталь (1891 г.).
35. Мифическое племя карликов (величиной с кулак), жившее якобы на берегах океана. (Пигмеи — в переносном смысле — маленькие люди).
36. Маленькие планеты, обращающиеся около солнца между Марсом и Юпитером.
37. Город — в Южн. Америке, порт — в Сев. Австралии.
38. 40 000 км (метр = 1/400 000 000 меридиана).
39. Галилей (1633).
40. Похожий на золото сплав меди, латуни и олова.
41. Правый от узкого конца (от начала) оврага.
42. Аппарат электро-музыки, изобретенный советским ученым Терменом.
43. Костер — многолетняя трава, выгоднее разводить ее на заданных дугах.
44. Нансен (1888 г.) и Пири (1892 г.).
45. У электрического угля, выходящего в пресных водах Юж. Америки. (Разряд электричества может убить человека).
46. Остров Кенгуру в Юж. части Австралии.
47. Коренных жителей, истари обитающих в данной стране.
48. Одноглазый урод или легендарное чудовище.
49. Фазаны.
50. Обычно представляют, что холоднее всего на полюсах, а жарче — в Сахаре, но оказывается, что самое холодное место на земле — г. Верхоянск в Сибири (средняя зимняя температура — 62°), а самое жаркое — г. Мас-сора в италийско-восточной части Африки на берегу Черного моря (средняя годовая температура +22°).

Шквалом ураганной силы на Вайгаче была повреждена мачта с антенной. Связь с внешним миром была прервана в течение 6 суток. На Юшаре антенна была покрыта льдом толщиной в 5 см и только через 2 суток радиостанция смогла восстановить работу. Работы по восстановлению связи с внешним миром велись в исключительно тяжелых условиях полярной ночи.

ТУНГУССКИЕ ЗАГДКИ.

Академия Наук недавно выпустила новое издание, посвященное исследованию быта одного из многочисленных туземных народов Д.-В. края — тунгусов. В этом научном труде содержится весьма ценные данные, относящиеся к тунгусскому языку и быту. Заметьте из этого труда любопытные тунгусские «загадки».

«Две вороны бегут взапуски, ни одна из них не опережает» (глаз).

«Без ног и без рук стучится в дверь» (ветер).

«Мышь тащит свою кишку» (игла с ниткой).

«Когда сжимаю, нет горсти; когда отпустил, свет заполнил» (смыкать свои глаза).

«Внутри хлеба пегие быки привязаны» (зубы).

«Посредине моря горит огонь» (самовар).
«В камышах лают без шума собаки» (мыш).

«Беззубая старушка рвет мясо» (кожемялка).

«Сосна с 77 сучьями» (гребень).

«Я по ту сторону, ты по эту» (пояс).

ОТКУДА НАЗВАНИЕ «АМУР»?

На этот счет существуют всевозможные предположения. Одни исследователи производят название «Амур» от гилийских слов «Я му», означающих в переводе «большая река»; по предположениям других, это название является испорченным словом «амуру», которым прибрежные туземцы именуют реку; наконец, высказывалось неоднократно предположение, что название «Амур» происходит от названия ручья Эмури, впадающего в Амур вблизи того места, где была основана первая русская крепость на Амуре — Албазин.

Каждый из народов, населяющих Амур, дает свое название этой реке. Так, голландцы называют ее Манго, китайцы Хей-лун-цзян или «рекою черного дракона», якуты — Кара Туран, что значит «черная река», манчжуры — Сахалин Ула, то-есть «рекой черной воды».

Ю.

ВСЕМИРНЫЙ КАЛЕЙДОСКОП

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ДАЕТ 94% ПОТЕРИ ЭНЕРГИИ.

Установлено, что в осветительной сети электричества происходит колоссальная бесполезная утечка, подсчитанная экспертами для одной Америки в 100 000 000 долларов (то-есть, около 200 милл. рублей) ежегодно! Происходит это вследствие того, что лишь ничтожный % энергии, текущий по проводу в лампочку, претворяется в видимые световые лучи, остальные же энергии отходит в виде невидимых тепловых лучей. Опытами доказано, что лишь 6% энергии идет на образование света, а остальные 94% являют собой «отбросы производства». В силу этого, в Америке во многих лабораториях идут усиленные изыскания, имеющие целью найти способ утилизировать эту бесцельно расходуемую энергию.

ЖИЗНЬ ЗЕМЛИ БЕЗ СОЛНЦА

Проф. Эльвэй из Чикагского университета (САСИ) произвел подсчеты длительности жизни Земли в том случае если бы в силу какой-либо катастрофы наше Солнце распалось.

Из наблюдений над звездами (а наше Солнце тоже является звездой в мировом масштабе) установлено, что они, в силу неисследованных еще человеком причин, обладают способностью «взрываться». По следствия из катастроф этого рода была отмечена в августе текущего года, когда звезда Nova Aurigae разорвалась, дав яркую вспышку огня.

Следовательно, и для нашего Солнца не исключена возможность такой катастрофы. В данном случае жизнь на Земле сохранилась бы еще в течение 138 часов. По истечении этого времени пылающие газы, отброшенные от Солнца в момент его распада, достигли бы Земли и испепелили бы все находящееся на ней.

Г.-М.

ВЫ НЕ РИСКУЕТЕ ПОКУПАТЬ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

У нас по ценам и качеству или не покупайте. Заключившаяся предоплата является залогом качества и гарантирует возврат денег в случае некачественного инструмента.

ГИТАРЫ 15, 18, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, 100, 110, 120, 130, 140, 150, 160, 170, 180, 190, 200, 210, 220, 230, 240, 250, 260, 270, 280, 290, 300, 310, 320, 330, 340, 350, 360, 370, 380, 390, 400, 410, 420, 430, 440, 450, 460, 470, 480, 490, 500, 510, 520, 530, 540, 550, 560, 570, 580, 590, 600, 610, 620, 630, 640, 650, 660, 670, 680, 690, 700, 710, 720, 730, 740, 750, 760, 770, 780, 790, 800, 810, 820, 830, 840, 850, 860, 870, 880, 890, 900, 910, 920, 930, 940, 950, 960, 970, 980, 990, 1000, 1010, 1020, 1030, 1040, 1050, 1060, 1070, 1080, 1090, 1100, 1110, 1120, 1130, 1140, 1150, 1160, 1170, 1180, 1190, 1200, 1210, 1220, 1230, 1240, 1250, 1260, 1270, 1280, 1290, 1300, 1310, 1320, 1330, 1340, 1350, 1360, 1370, 1380, 1390, 1400, 1410, 1420, 1430, 1440, 1450, 1460, 1470, 1480, 1490, 1500, 1510, 1520, 1530, 1540, 1550, 1560, 1570, 1580, 1590, 1600, 1610, 1620, 1630, 1640, 1650, 1660, 1670, 1680, 1690, 1700, 1710, 1720, 1730, 1740, 1750, 1760, 1770, 1780, 1790, 1800, 1810, 1820, 1830, 1840, 1850, 1860, 1870, 1880, 1890, 1900, 1910, 1920, 1930, 1940, 1950, 1960, 1970, 1980, 1990, 2000, 2010, 2020, 2030, 2040, 2050, 2060, 2070, 2080, 2090, 2100, 2110, 2120, 2130, 2140, 2150, 2160, 2170, 2180, 2190, 2200, 2210, 2220, 2230, 2240, 2250, 2260, 2270, 2280, 2290, 2300, 2310, 2320, 2330, 2340, 2350, 2360, 2370, 2380, 2390, 2400, 2410, 2420, 2430, 2440, 2450, 2460, 2470, 2480, 2490, 2500, 2510, 2520, 2530, 2540, 2550, 2560, 2570, 2580, 2590, 2600, 2610, 2620, 2630, 2640, 2650, 2660, 2670, 2680, 2690, 2700, 2710, 2720, 2730, 2740, 2750, 2760, 2770, 2780, 2790, 2800, 2810, 2820, 2830, 2840, 2850, 2860, 2870, 2880, 2890, 2900, 2910, 2920, 2930, 2940, 2950, 2960, 2970, 2980, 2990, 3000, 3010, 3020, 3030, 3040, 3050, 3060, 3070, 3080, 3090, 3100, 3110, 3120, 3130, 3140, 3150, 3160, 3170, 3180, 3190, 3200, 3210, 3220, 3230, 3240, 3250, 3260, 3270, 3280, 3290, 3300, 3310, 3320, 3330, 3340, 3350, 3360, 3370, 3380, 3390, 3400, 3410, 3420, 3430, 3440, 3450, 3460, 3470, 3480, 3490, 3500, 3510, 3520, 3530, 3540, 3550, 3560, 3570, 3580, 3590, 3600, 3610, 3620, 3630, 3640, 3650, 3660, 3670, 3680, 3690, 3700, 3710, 3720, 3730, 3740, 3750, 3760, 3770, 3780, 3790, 3800, 3810, 3820, 3830, 3840, 3850, 3860, 3870, 3880, 3890, 3900, 3910, 3920, 3930, 3940, 3950, 3960, 3970, 3980, 3990, 4000, 4010, 4020, 4030, 4040, 4050, 4060, 4070, 4080, 4090, 4100, 4110, 4120, 4130, 4140, 4150, 4160, 4170, 4180, 4190, 4200, 4210, 4220, 4230, 4240, 4250, 4260, 4270, 4280, 4290, 4300, 4310, 4320, 4330, 4340, 4350, 4360, 4370, 4380, 4390, 4400, 4410, 4420, 4430, 4440, 4450, 4460, 4470, 4480, 4490, 4500, 4510, 4520, 4530, 4540, 4550, 4560, 4570, 4580, 4590, 4600, 4610, 4620, 4630, 4640, 4650, 4660, 4670, 4680, 4690, 4700, 4710, 4720, 4730, 4740, 4750, 4760, 4770, 4780, 4790, 4800, 4810, 4820, 4830, 4840, 4850, 4860, 4870, 4880, 4890, 4900, 4910, 4920, 4930, 4940, 4950, 4960, 4970, 4980, 4990, 5000, 5010, 5020, 5030, 5040, 5050, 5060, 5070, 5080, 5090, 5100, 5110, 5120, 5130, 5140, 5150, 5160, 5170, 5180, 5190, 5200, 5210, 5220, 5230, 5240, 5250, 5260, 5270, 5280, 5290, 5300, 5310, 5320, 5330, 5340, 5350, 5360, 5370, 5380, 5390, 5400, 5410, 5420, 5430, 5440, 5450, 5460, 5470, 5480, 5490, 5500, 5510, 5520, 5530, 5540, 5550, 5560, 5570, 5580, 5590, 5600, 5610, 5620, 5630, 5640, 5650, 5660, 5670, 5680, 5690, 5700, 5710, 5720, 5730, 5740, 5750, 5760, 5770, 5780, 5790, 5800, 5810, 5820, 5830, 5840, 5850, 5860, 5870, 5880, 5890, 5900, 5910, 5920, 5930, 5940, 5950, 5960, 5970, 5980, 5990, 6000, 6010, 6020, 6030, 6040, 6050, 6060, 6070, 6080, 6090, 6100, 6110, 6120, 6130, 6140, 6150, 6160, 6170, 6180, 6190, 6200, 6210, 6220, 6230, 6240, 6250, 6260, 6270, 6280, 6290, 6300, 6310, 6320, 6330, 6340, 6350, 6360, 6370, 6380, 6390, 6400, 6410, 6420, 6430, 6440, 6450, 6460, 6470, 6480, 6490, 6500, 6510, 6520, 6530, 6540, 6550, 6560, 6570, 6580, 6590, 6600, 6610, 6620, 6630, 6640, 6650, 6660, 6670, 6680, 6690, 6700, 6710, 6720, 6730, 6740, 6750, 6760, 6770, 6780, 6790, 6800, 6810, 6820, 6830, 6840, 6850, 6860, 6870, 6880, 6890, 6900, 6910, 6920, 6930, 6940, 6950, 6960, 6970, 6980, 6990, 7000, 7010, 7020, 7030, 7040, 7050, 7060, 7070, 7080, 7090, 7100, 7110, 7120, 7130, 7140, 7150, 7160, 7170, 7180, 7190, 7200, 7210, 7220, 7230, 7240, 7250, 7260, 7270, 7280, 7290, 7300, 7310, 7320, 7330, 7340, 7350, 7360, 7370, 7380, 7390, 7400, 7410, 7420, 7430, 7440, 7450, 7460, 7470, 7480, 7490, 7500, 7510, 7520, 7530, 7540, 7550, 7560, 7570, 7580, 7590, 7600, 7610, 7620, 7630, 7640, 7650, 7660, 7670, 7680, 7690, 7700, 7710, 7720, 7730, 7740, 7750, 7760, 7770, 7780, 7790, 7800, 7810, 7820, 7830, 7840, 7850, 7860, 7870, 7880, 7890, 7900, 7910, 7920, 7930, 7940, 7950, 7960, 7970, 7980, 7990, 8000, 8010, 8020, 8030, 8040, 8050, 8060, 8070, 8080, 8090, 8100, 8110, 8120, 8130, 8140, 8150, 8160, 8170, 8180, 8190, 8200, 8210, 8220, 8230, 8240, 8250, 8260, 8270, 8280, 8290, 8300, 8310, 8320, 8330, 8340, 8350, 8360, 8370, 8380, 8390, 8400, 8410, 8420, 8430, 8440, 8450, 8460, 8470, 8480, 8490, 8500, 8510, 8520, 8530, 8540, 8550, 8560, 8570, 8580, 8590, 8600, 8610, 8620, 8630, 8640, 8650, 8660, 8670, 8680, 8690, 8700, 8710, 8720, 8730, 8740, 8750, 8760, 8770, 8780, 8790, 8800, 8810, 8820, 8830, 8840, 8850, 8860, 8870, 8880, 8890, 8900, 8910, 8920, 8930, 8940, 8950, 8960, 8970, 8980, 8990, 9000, 9010, 9020, 9030, 9040, 9050, 9060, 9070, 9080, 9090, 9100, 9110, 9120, 9130, 9140, 9150, 9160, 9170, 9180, 9190, 9200, 9210, 9220, 9230, 9240, 9250, 9260, 9270, 9280, 9290, 9300, 9310, 9320, 9330, 9340, 9350, 9360, 9370, 9380, 9390, 9400, 9410, 9420, 9430, 9440, 9450, 9460, 9470, 9480, 9490, 9500, 9510, 9520, 9530, 9540, 9550, 9560, 9570, 9580, 9590, 9600, 9610, 9620, 9630, 9640, 9650, 9660, 9670, 9680, 9690, 9700, 9710, 9720, 9730, 9740, 9750, 9760, 9770, 9780, 9790, 9800, 9810, 9820, 9830, 9840, 9850, 9860, 9870, 9880, 9890, 9900, 9910, 9920, 9930, 9940, 9950, 9960, 9970, 9980, 9990, 10000.

ПОТЫ

для фортепиано, скрипки, виолончели. Самоучитель для гитары, мандолины, гармоника, балалайки. Биография композиторов: Бах, Вивальди, Лист, Моцарт, Равель, Римский-Корсаков, Рахманинов, Серов, Скрябин и Чайковский по 45 коп. (комплект—10 биографий—3р.). Оперы, романсы, вальсы, польки и т. д.

Заказы выполняются наложенным платежом, посылкой, телеграммой. Музей, пом. 123 в Государственном театре, «ТРАНСРЕКЛАМА» (Нотный отдел).

Пикеры и коньяк

НАСТОЙКИ И НАЛИВКИ

Надкий приготавливает из всех фруктов, ягод, настоек и наливок. Музей, пом. 123 в Государственном театре, «ТРАНСРЕКЛАМА» (Нотный отдел).

Высылается набор на 12 бут. по получении перевода 3р. 60 коп. или наложенным платежом. Музей, пом. 123 в Государственном театре, «ТРАНСРЕКЛАМА» (Нотный отдел).

Пропс, выс. по получ. одной 8-и мар. Техн.-Хим. лаборатор. И. П. ДАУГАВЕТ

Москва, почт. отд. 11, Совская, 1.

ПОДАРОК МОЛОДЫМ ХОЗЯЙКАМ ДЕШЕВЫЙ СТОЛ

Кулинарная книга, свыше 300 рецептов и вегетарианский блюдец, с приложением

МЕНЮ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Цена с пересылкой 95 к., наложен. плат. 1 р. 10 коп. Заказы направлять: Москва 13, ул. Горького 22/в, книжный магазин ЭЛЬЯШЕВ.

Незаменимое руководство для изучающих СТЕНОГРАФИЮ

Всякий легко может научиться стенографии без помощи учителя по упрощенной и без нажима системе П. С. Старосельского. Цена в переплете—2 руб. Книга по любому вопросу высылается наложенным платежом. Москва, Политтехнический музей, пом. 123 в Госуд. Конт. «Трансрклама» (Книжный отдел).

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД проф. Августа Фореля о ПОЛОВОМ ВОПРОСЕ Том I и II

Краткое изложение: Происхождение жизни существ. Беременность. Половое созревание. Сексуальная любовь. Исторические формы половой жизни. Половые болезни. Половые извращения. Половая гигиена. Идеал брака будущего. Цена за оба тома с пересылкой 4р. 60 коп. Адрес: Москва, ул. Горького, 22/в. Книжный Дел. «ПРОСВЕЩЕНИЕ».

А. ДЮМА. 20 ЛЕТ СПУСТЯ

Дальнейшие приключения ТРЕХ МУШКЕТЕРОВ. Полный перевод. Стр. 612. 43 рис. Фред. Монз. Один из самых опытных по заимчивости романов А. Дюма. Цена в роскош. сатиновом переплете с зол. тисн. 3 р. 20 к.

Высылаются деньги вперед за пересылку не платят. ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ: Ма-уд. «АКАДЕМИЯ», Москва, 9, Тверская, 26/в.

СКИДКА 75%

Ленинская Библиотечка

46 книжек по основным вопросам ленинизма (популярные изложения учения Ленина). Место 6 р. высылается за 1 р. 50 к. Пересылка 1 р. Заказы исполняются наложенным платежом. Москва, Политтехнический музей, пом. 123 в Госуд. Конт. «Трансрклама» (Книжный отдел).

Единствен. по своей легкости и общедоступности, самоучитель для ГИТАРЫ МАНДОЛИНЫ И БАЛАЛАЙКИ с нотными песнями, романсами и пр. высылается за 2 р. 85 к. для ГАРМОНИИ (с нот.) такой же сапогу с 30 муз. нм. выс. за 2 р. 85 к. Адрес: Москва, ул. Горького, 22/в. Книжный Дел. «ПРОСВЕЩЕНИЕ».

Незаменим. руковод. для хозяйки ПОВАРЕННАЯ КНИГА

по Е.А. МОЛОХОВЕЦ по 500 различных скоромных и постных блюд, заготовок, солений, маринадов, варений и наливок. Ц. 1 р. Книга по любому вопросу высылается наложенным платежом. Москва, Политтехнический музей, пом. 123 в Госуд. Конт. «Трансрклама» (Книжный отдел).

Одно из величайш. произведений мировой литературы ДЖ. СВИФТ

ПУТЕШЕСТВИЕ ГУЛЛИВЕРА

Этот бесподобный роман-сатира появился на русском языке впервые полностью с восстановлением мест, выброшенных царской цензурой. 700 страниц, более 400 иллюстраций, выходящих художника Гравина.

Цена в худож. сатин. переплете с золотым тисн., в супер-обложке и картонке 3 р. 50 к. Высылаются деньги вперед—за пересылку не платят. Изд-во «АКАДЕМИЯ», Москва 9, Тверская 4, 26/в.

20 КНИГ 20 ИСТОРИЧЕСКИХ РОМАНОВ

ПО 2 КНИГИ В МЕСЯЦ, всего за 10 мес. около 3 200 стр.

УВЛЕКАТЕЛЬНЫЕ РОМАНЫ

А. Дюма, Э. Синклера, В. Скотта, Р. Хаггарда, А. Франса, В. Гюго и др. популярных авторов.

1 книгу—известный роман А. Фадеева «РАЗГРОМ» (390 страниц). 4 «ЧЕТЫРЕ СЕЗОНА» 4 10 многокрасочных картин 10 1 том (около 60 новых юмористических рассказов) МИХАИЛА ЗОЩЕНКО 1 10 №14 журнала «МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ» 10 10 книг литературно-художественного журнала 10

ПОЛУЧАТ В 1928 г. ПОДПИСЧИКИ ЖУРНАЛА

30 дней

ИСТОРИКО-РОМАНТИЧЕСКИЙ

№ № 1 и 2 «30 ДНЕЙ» за текущий год ПОЛНОСТЬЮ разошлись

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

с марта до конца года

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА журнал «30 ДНЕЙ»

с всеми приложениями (с перес. и доставкой) с марта (с № 3) до конца года—11 руб.; на один месяц—1 р. 15 к. ДОПУСКАЕТСЯ РАССРОЧКА: при подписке—6 руб., к 15 июня—3 руб. и к 15 сентября—2 руб.

За отдельную доплату (при подписке до конца года)—1 руб. высылается первые 4 книги «Библиотечки Исторических Романов»: 1. Г. Эберс—Мюргетта, 2. Джованни—Спартак, 3. Р. Хаггард—Дочь Монтенуи, и 4. Г. Флобер—Саламба.

ПОДПИСКУ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, центр, Илинская, 15. Изд-во «3ИФ».

Подписка принимается также ПОВСЕМЕСТНО на почте и в отделениях центральных газет.

СЛУЖИТ ОХОТНИКА РАХМАНИН И КЕРЦЕЛЛИ

315 стр. Ц. 1 руб. СЛУЖИТ УДИЛЬЩИКА РЫБОВЕД 315 стр. Ц. 1 руб. Все книги ловли. Самая полная книга по этому вопросу. Сост. РОДОВЕДЕНСКИЙ. 167 стр. 63 рис. Ц. 1 р. 85 к.

НАВИВКА ЧУЧЕЛ

птиц и зверей и собирание зоологич. коллекций. ЗАЛЕСКИЙ. С рис. Ц. 95 к. Выс. наложен. платежом без заказа. Москва, 9.

СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ.

Монетальный усовершенствованный СЧЕТЧИК

Цена 50 коп. Доставка всем без затрат труда, без наставления, дает готовые результаты умножения, деления, вычисления процентов, автоматически. Высыл. немедл. по получ. заказа и 50 коп. За перес. и упол. 17 коп. всего 67 коп. (можно мар. кам.). Заказы и деньги направлять: Москва, Почтамт. уполном. ящик 1053, автору А. И. ДУХЕРШТЕЙНУ.

ПЕЧАТНЫЙ ПРИБОР (ДОМАШНЯЯ ТИПОГРАФИЯ)

системы Гутенберг со всеми принадлеж. и руководством. Неходимо иметь каждому, по которому каждый легко и доступно сможет печатать все, как то: визитные карточки, приглашения, билеты и пр. и т. д. отчество и фамилию. Высылается наложенным платежом за 3 р. 50 к. с перес. при заказе 1 р. 10 коп. Тверск. 15/с. Производство И. А. БЛУШТЕЙН.

